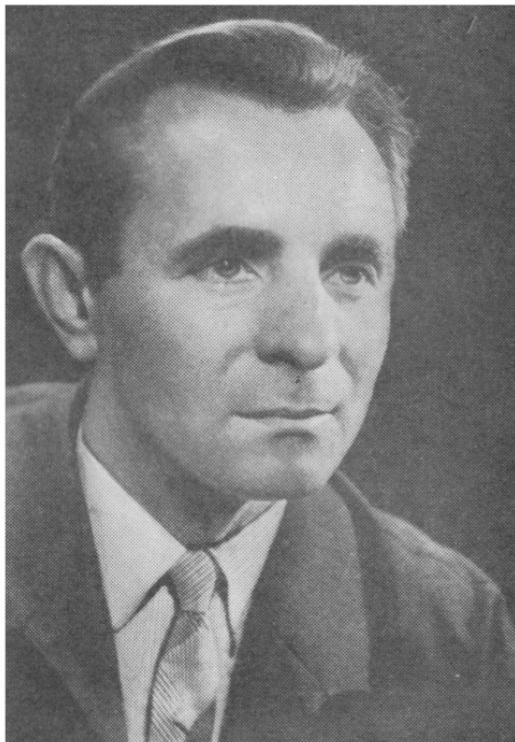

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 19

1971

Юрий ГРИБОВ

**ТАЙНА
СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Юрий ГРИБОВ

ТАЙНА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

ПОВЕСТЬ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1971

Юрий ГРИБОВ

Юрий Тарасович Грибов родился в 1925 году в селе Бугры, Богородского района, Горьковской области.

В годы войны работал мотористом на волжских судах «Карелия» и «Якутия», затем добровольно ушел в армию, закончил Энгельсское пулеметное училище. На 1-м Белорусском фронте командовал пулеметной ротой, участвовал в штурме Берлина. Имеет шесть правительственных наград.

После победы над Германией Ю. Т. Грибов был военным корреспондентом. Демобилизовался в 1956 году. Майор запаса. Работал в Костроме, в Пскове. В качестве специального корреспондента газеты «Советская Россия» много ездил по стране.

В разные годы у него вышло несколько сборников очерков, повесть «Сильнее смерти», сборники рассказов и очерков «Дуплетом, огонь!», «Рубиновые серьги», «За строкой биографии Ленина», «Тихие острова», «Журавлиная стая».

Повесть «Тайна старой мельницы» дается в сокращении. Она построена на документальной основе. Некоторые фамилии и населенные пункты автором заменены.

Ю. Т. Грибов — член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.

ТАЙНА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Костер у реки

Недавно я получил письмо. Николай Васильевич Козаров, выполняя мою просьбу, уточнял имя одного партизана, воевавшего в его отряде, а в конце подробного послания приглашал: «Милости прошу в Ямбург, погода у нас установилась прямо крымская, щука хватает на лету, и грибов вчера корзину принес...».

Дойдя до слова «Ямбург», я сразу же представил по-стариковски плутоватые козаровские глаза, его вздернутый носик и просоленную кепчонку на иссиня-белой голове. Ямбургом Николай Васильевич шутливо называет свой песчаный, окруженный озерами и сосняками поселок Ямм, где побывать лишний раз всегда хочется.

Приехал я в поселок под вечер. Ночевал за сараем на копне сена. А рано утром мы с Николаем Васильевичем уже шагали на Ужинскую протоку и на реку Желчу, где и рыбы много, и раков, и места такие, что при виде их сами собой рождаются мысли: «Поставить бы вот тут домик да и жить себе...»

На извилине Желчи, у дороги, мы увидели штабеля плетенных в виде короба ящиков. На каждом ящике бирочка с надписью «Аэропорт Арланда, Швеция». Переложенные мхом, шевелились в плетенках только что пойманные отборные раки. Отсюда их тоннами отправляют в Париж, Лондон, Стокгольм. Рядом со своим грузом, в тени грузовика отдыхала бригада раколовов, все здоровые, рослые, мужик к мужику. Завидя Николая Васильевича, они вскочили, как по команде, стали наперебой здороваться, просили отобедать с ними, посидеть. Было видно, что Козарова они не только уважают, но и побаиваются: Николай Васильевич, сдав года два назад дела председателя райисполкома, остался как бы нештатным «мэром». Он так же строг, так же, как и раньше, всегда занят работой: читает лекции, заседает в партийном бюро, в депутатской комиссии, охраняет леса и реки. Охрану природы несет он охотно и бдительно,

привлекая к этому школьников, дружков своих пенсионеров, и подзазнавшиеся раколовы — «мы валюту стране даем» — несколько раз были застигнуты Козаровым за незаконным ловом рыбы и оштрафованы.

— Ну что, добытчики, на Сашкино озеро ночью не лазили? — спрашивает Николай Васильевич. — Смотрите у меня! Я не поглажу, что вы для аглицкой королевы раков ловите...

Он еще с минуту переругивается с мужиками, заглядывает в их лодки, и мы продолжаем путь.

Идти легко и приятно. Луга уже скосили, и всюду в валках подсыхает молодое сено, стоят островерхие стога на клеверницах, и пахнет томительно-сладко, как и всегда пахнет в эту пору в селе. Козаров часто останавливается: то в излюбленный омут спиннинг забросит, то покажет мне заросшие воронки от бомб, пепелище бывшей деревни, пламенеющие малиново-грустным иван-чаем холмики безымянных могил. Местный родом, Николай Васильевич и воевал здесь же, командовал партизанским отрядом, и потому земля эта, каждая ее складка, памятны и дороги ему, знакомы, как собственная ладонь.

Сейчас эти места входят в Гдовский район, Псковской области. А раньше район был здесь свой, Пуловский, где Николай Васильевич еще до войны возглавлял райисполком. Отсюда Козаров в июле сорок первого, выполняя приказ, отступал к Ленинграду с последней воинской частью, спасал колхозный скот. Потом ушел в армию, ходил в атаки на Ораниенбаумском «пятачке», лежал в госпитале после контузии и снова вскоре вернулся в родной район, но уже иным путем — спустился на парашюте.

Это был его первый и последний прыжок. И добился он его с огромным трудом, потому что выглядел после бегства из госпиталя «шкелет шкелетом», заикался, ветром его шатало. В изодранной осколками шинели, списанный «по чистой», в обмотках, с тощим «сидором» за плечами, с утра до вечера ходил он по разным штабам, и часовые уже заметили его, не пропускали, но он все-таки своего добился...

И вот через некоторое время Козарова одели в штатский костюм, проинструктировали, как надо работать в тылу врага, отвезли на аэродром. На аэродроме ему предложили хотя бы немного потренироваться, пообвыкнуть, отдохнуть, но он от всего наотрез отказался, в этот же вечер с помощью техника надел парашют, спросил, за что в случае чего дергать, и торопливо, боясь, что вернут назад, забрался в кабину...

Когда пересекли линию фронта, Козаров не заметил. Видел только, как где-то слева, должно быть, у Пулковских высот, мелькали цепочки транссирующих пуль да стояли на горизонте

красные разливы пожаров. Потом и это исчезло. Козаров все пытался определить местность, над которой они летели, но ничего нельзя было разобрать: кругом чернота, островки тумана над озерами, еле заметные змейки речушек. В одном месте вдруг косо вспыхнул синеватый луч прожектора, заплясал, запрыгал по облакам, разыскивая самолет, и следом за лучом, злоеще перекрециваясь, взметнулись, запульсировали нитки огня. «Станция, наверно,— подумал Козаров,— может, Струги Красные, а может, Новоселье... Везде немцы».

Приземлился Козаров в болото, плюхнувшись в самую жижу. Надежно спрятал парашют вместе с сумкой, выполз на сухое место и стал прислушиваться. Было тихо. Пахло сыростью и черной смородиной. Где-то слева пролаяла собака, раздался звон не то ведра, не то бочки. И снова все замерло, насторожилось в ночной дремоте...

На рассвете он определил, что находится не там, где надо. Молодой летчик изрядно промахнулся и выбросил его вместо Пуловского выгона к Духановым хуторам. Эта ошибка чуть было не стоила Козарову жизни. Когда он, оглядевшись, пошел мелким осинником, уверенный, что в этой глуши вряд ли есть немец, путь ему неожиданно преградила колючая проволока. Он ударился о нее грудью, упал, и в эту секунду длинная автоматная очередь просвистела над его головой. Убегая обратно к болоту, Козаров слышал частую стрельбу, отрывистое, чужое «хальт»...

Целый час бежал он заросшей низиной, переплыл речку и, обессиленный, мокрый, с колотящимся сердцем, упал в овраге, приготовившись к бою. Но фашисты почему-то недолго преследовали его: или боялись углубляться в лес, или думали, что не человек, а зверь какой-то напоролся на их заграждение. Козаров отлежался, вылил из сапог воду и осторожно, минуя открытые места, пошел на юго-запад, к Сороковому бору...

— Вон там, за поворотом,— указал Козаров складным бамбуковым удилищем,— приняли мы первый бой с карателями. В июне сорок второго это было. А здесь, на этой старой мельнице, фактически штаб у нас находился, типография, продовольственная база, все партизанские тайны здесь рождались, все планы...

Я огляделся по сторонам и только теперь увидел за кустами ольхи остатки плотины с гнилыми бревнами, разрушенный фундамент из красного кирпича и большой черный омут, окаймленный с одной стороны широкой песчаной отмелью. По чистой кромке песка разгуливали юркие кулички, а на гнезде, чернеющем на вершине сухого, толстого осокоря, стоял, подогнув одну ногу, серый аист и задумчиво смотрел вдаль.

Рыбы мы наловили уже полную сумку, изрядно проголодались, и я предложил сделать возле этого омута привал и подкрепиться.

— Ну что ж, давай располагайся,— согласился Козаров.

Набрав сушняку, я разжег костер, а Николай Васильевич принялся чистить и потрошить окуней. Надвинув кепочку на самые глаза, он все вздыхал и хмурился. Я догадывался, какие думы наполняют сейчас его голову, но помалкивал до времени, зная, что он и сам, когда надо, расскажет обо всем, вспомнит о мельнице и ее обитателях.

Уха поспела быстро. Помыв в тепловатой воде руки, Николай Васильевич нарезал крупными ломтями хлеб, положил на тряпочку малосольные огурцы, зеленый лук, деревянные расписные ложки, потянул носом воздух. В другой бы раз в эти блаженные секунды он обязательно бы что-то сказал, потер бы ладонь о ладонь, подмигнул бы весело, кивая на котелок, а сейчас молчит и вроде бы и уха, от которой идет такой соблазнительный дух, не мила ему. Стараясь как-то расшевелить его, я громче, чем надо, позвякиваю флягой, и Николай Васильевич, почти уже не пьющий по причине пенсионного своего возраста, понимает намек и машет рукой:

— А-а-а! Наливай! Простыл я, кажется, вчера, может, на пользу будет. Да и вообще... Место тут, знаешь...

Ест он, однако, молча, обстоятельно, подставляя по крестьянской привычке под ложку кусок хлеба. Потом закуривает, жадно, до кашля затягивается, ложится на траву и говорит тихо:

— На этой мельнице хорошая семья жила... Сам хозяин, Владимир Леонтьевич, Евдокия Ивановна, жена его, две их дочки, Нина и Оля, одногодки почти, красавицы, комсомолки, и Генка, парнишка лет десяти... Минковские по фамилии... Такая, знаешь, семья... Весь район их мельница связывала, всех бойцов наших.

Стояла и стоять будет...

От Духановых хуторов, от места своего приземления, Козаров сначала пробирался только ночами. Держался в стороне от дорог, от деревень, шел полями, перелесками. Горькое это было для него путешествие: предрик, недавний хозяин района, крадется, как вор, по своей родной земле...

Несколько раз он порывался выйти на большак, открыто появиться в селе, встретиться с народом. Он знал здесь каждый уголок, бывал почти во всех деревнях, проводил собрания с колхозниками, выступал в клубах с лекциями, плясал и пел с земляками на праздниках. Но благоразумие и дисциплина брали

верх над чувством: нельзя пока открывать себя, надо приглядеться, враг может оказаться в самом неожиданном месте, донести, предать.

Километр за километром, прислушиваясь к каждому шороху, маскируясь, шагал Козаров по своему району. Ночи были теплые, майские, в полях курчавилась озимь, трава после дождей стояла уже высокая, сочная. Многие хутора и деревни, особенно у больших дорог, казались вымершими: ни огонька, ни звука. Люди притаились, двери на всех запорах, окна занавешены, закрыты ставнями. Выходить страшно, опасно: полицаи всюду, патрули немецкие, катят в сторону Ленинграда грузовики с солдатами, гремят танки, тягачи. Выглянешь ночью из дому — грохнут без предупреждения из автомата. Козаров уже слышал в одной деревне пальбу и крик женщин. Он был рядом в то время, за льняными сараями. Три мотоцикла проскочили мимо него. Это были немцы. Кого они убили? За что? Нет, надо быть осторожнее, глупая храбрость тут ни к чему, врага ею не одолеешь, не разобьешь. А бить его надо, бить умело, наверняка, с меньшими потерями для себя, бить так, чтобы не мы фашистов боялись, а фашисты нас...

В дневные часы Козаров забирался в чащу, лежал на сосновом лапнике, дремал, думал, подолгу глядел в голубое весеннее небо. Ему не спалось, хотя и ослаб он сильно, изголодался.

В один из таких привалов он укрылся пустой котомкой, попытался все-таки заснуть, но тяжелые думы, боль в ноге не давали ему покоя. Нащупав за пазухой пистолет, вытащил его, сдул приставшую к стволу нитку, нажал на защелку обоймы. Обойма легко выскочила, и сквозь ее прорези видны были тупорылые желтоватые пули — восемь штук. Еще с полсотни патронов лежали завязанными в носовом платке. Козаров достал и эти, рассыпал их по наружным карманам, а один патрон, подержав и погрев на ладони, спрятал в подкладку ватника. Вставив обойму, он поднялся, отряхнул с себя иголки и листья, привязал котомку и решительно зашагал в глубь соснового бора.

Еще в Ленинграде Козарову было известно, что пуловская группа партизан действует в основном в Сороковом бору, на железной дороге Псков—Гдов, а проезжие грунтовые пути, такие дальние уголки, как Духановы хутора, большак, ведущий на Плюссу и Струги Красные, остаются пока тихими, безопасными для немцев. Недаром они и пропускают по этим малым дорогам огромные колонны грузовиков с боеприпасами и живой силой, с продовольствием.

«Надо будет,— думал Козаров,— создать в этих местах передвижные летучие отряды, чтобы они могли быстро появляться и быстро исчезать, нанося удар по колоннам врага».

Маскируюсь в светлое время недалеко от кюветов, от поворотов и развилкок, он уже научился распознавать немецкие машины, определять, какая из них что везет. Если кажущийся полупустым грузовик тяжело, мягко садится на скаты, проминая, расплющивая их при малейшей колдобинке, а кузов тщательно затянут пятнистым брезентом, то груз известный: или снаряды или бомбы. А если машины быстро катят и в кузове торчит каска солдата — это, возможно, мясо везут, консервы, хлеб, сахар. Шоферы интендантских машин в серых пилотках, форма на них грязно-мышинного цвета, в пути они часто останавливаются, подолгу пьют и едят у колодцев, на лужайках возле домов, пристают к женщинам, пиликают на губных гармошках, предлагают иногда темное, вязкое мыло, требуя за это «яйки» и «млеко». Подойдет солдат к окнам или к крыльцу и кричит, разворачивая потрескивающий пергамент:

— Эй, матка, милё, милё, гут милё!

Хозяйки таких немцев считают еще хорошими: яйца заберет, так мыло оставит, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Но чаще всего солдаты ничего не дают за «млеко» и «яйки». Они сами ловят кур, режут и потрошат поросят. Целым взводом, растопырив руки, окружают они куренка, гогочут, улюлюкают, а поймав, сожмут птичью голову между пальцев, тряхнут — и голова в ладони остается, а тушка, брызгая кровью, на траву падает. И часа, смотришь, не пройдет, как у немцев и свинина шипит на вертеле, и курица истекает жиром, и хлеб поджаренный дымится. Или раньше они умели все так ловко потрошить и разделявать, или на русской земле научились, жители этого не знали да и знать не хотели. Удивляло крестьян нахальство оккупантов, бескультурье, цинизм. Посреди деревни солдаты раздевались догола, обливались водой, бегали друг за другом, орали песни, стреляли в собак, по-своему развлекались. Подзовут оборванного, босого парнишку, протянут ему конфету, намазанную какой-то жидкостью, и, когда ребенок, сунув конфету в рот, заплачет от боли, смеются над ним до икоты, до приседания, до всплеска руками...

После одной такой сцены, как только немецкая колонна покинула хутор Стряково, Козаров выбрался из своего соломенно-го укрытия, не торопясь подошел к людям, поздоровался. Три женщины, стайка ребятишек, тощий, кашляющий мужик с костылем хмуро и молча усталились на него.

— Что не отвечаете, земляки? — спросил Козаров, снимая кепку. — Аль не узнаете? Ульяна Павловна, а помнишь, я тебе отрез на платье вручал за высокие надою молока?

Пожилая женщина в платочке вскрикнула «ой!», заулыбалась, заплакала и со словами: «Ах, Николай Васильевич, Ни-

колай Васильевич!» — подошла к Козарову, сжала его руку, потащила к завалинке.

В деревне Сорокина гора Козаров постучался к знакомому конюху Ивану, человеку верному, и тот вызвался проводить предрика потайной тропой к Блонской мельнице, к месту назначенного партизанского сбора. На мельнице должны зарегистрировать свое прибытие еще четыре посланца из Ленинграда, которые приземлились на сутки позже Козарова. В составе этой группы радистка с рацией, с комплектом питания. У них же и груз с толом, с запалами, с патронами к автоматам.

До мельницы было километров восемнадцать. Это по прямой дороге. А там, где шли Козаров с Иваном, километров под двадцать пять наберется. Они петляли вдоль речки, шагали просеками, оврагами. Козаров то и дело курил, укрывая самокрутку в ладонях, слушал Ивана.

На рассвете они были у мельницы. Большое огнистое солнце уже полыхало за мелколесьем. Два приземистых здания, сама старая мельница и жилой дом смутно маячили в тумане. Бурлила падающая за плотиной вода. Слева, за извилистой Желчей, поднимался высокий лесистый увал. Где-то там, за этим увалом, стоит село Блонск. До села километра три. Другие населенные пункты еще дальше. Кругом лес, болота, зыбкие кочкарники, крохотные, глухие озера, заросшие кувшинками и кугой бочаги. Раньше Козаров приезжал сюда за утками, на рыбалку. Хорошие тут места, безлюдные, привольные. Лучшей партизанской базы во всем районе не сыщешь. И люди на мельнице преданные, смелые.

— Ну так что, Николай Васильевич, может, сначала поразведать мне, одному сходить на мельницу? — спросил Иван, всматриваясь в здания. — А то ведь не ровен час...

— Давай!

Вернулся Иван радостный. С ним был Владимир Леонтьевич Минковский. Сильными своими ручищами мельник обхватил Козарова, уколол черной бородой.

— Давно уже поджидаю, Николай Васильевич, давно. Ночами по очереди дежуриим, не спим. Опасался я, понимаешь, за тебя: эти сволочи уже пронюхали, что председатель райисполкома в районе объявился, ищут, шныряют везде. Так что молва, вишь, вперед тебя прибежала.

— Ленинградцы у тебя были? — нетерпеливо спросил Козаров.

— Полный порядок, Николай Васильевич. И гостинцы ихние в надежном месте и сами они. Идемте в дом, сегодня не опасно, день у меня не помольный. Но на всякий случай охра-

ну выставлю, пошлю вон Генку с Ниной, подежурят пока, поглядят...

Друг за другом, огибая плотину, пошли они травянистой полянкой к дому. Евдокия Ивановна встретила гостей в сенях. На ногах уже были и Нина с Генкой. Всех их Козаров хорошо знал. Не было дома только Виктора и Ольги. Виктор служил в Красной Армии, а Оля, телеграфистка Пуловского узла связи, еще в начале войны ушла по рекомендации райкома партии в особый разведывательный отряд, действовавший под Псковом.

Когда утихли радостные возгласы приветствий, Владимир Леонтьевич, подсаживаясь к Козарову, спросил:

— Невтерпеж мне узнать, Васильич... Как там наши-то? Немцы брешут: при последнем издыхании Россия, Ленинград вымер, груда камней на месте города...

— Живая Россия, Владимир Леонтьевич! Стоит наша страна советская, товарищи мои дорогие! Стояла и стоять будет! И об Ленинград фрицы лбы свои поразбили... Никогда не видать им Ленинграда...

Три мины Пети Екимова

Минковские просили Козарова пожить с недельку у них на мельнице, отдохнуть, подлечиться. Николай Васильевич после такого большого перехода по району чувствовал себя вообще-то неважно: побаливала раненая нога, голова кружилась, подступала иногда тошнота. Но он наотрез отказался от отдыха. Не до этого было, да и задерживаться на мельнице не следовало долго, хотя и тихое, удобное здесь место. Удобное в том отношении, что сюда под видом помольцев могли, когда надо, приехать нужные люди, что-то сообщить, передать. Но пусть уж, как условился, все сведения собирает Минковский.

Он пока вне подозрений. Умело разыгрывая обиженного Советской властью кулака, он между тем собирает различные сведения о местных гарнизонах, о предателях, припрятывает зерно и муку. А Нина с Генкой доставляют сведения, развозят подпольную районную газету «Колхозная трибуна».

Немцы на мельницу заглядывают редко, но уж когда приезжают, Минковский, распушив и намазав репейным маслом бороду, изгибается в поклонах, велит своей Авдотье поскорее ставить на стол самогона, горячие русские блины, капусту квашеную, грибы и, прикладывая ладонь к груди, приглашает радушно:

— Милости прошу откусать, господа... У нас, конечно, бедновато, по-мужицки все, не то, что в старые времена, но уж не обессудьте, чем богаты, как говорится...

С немцами всегда бывает кто-то из Пуловского хозяйственного управления, из комендатуры, из полиции, и эти служаки, русские или эстонцы, в основном жители здешних мест, продавшиеся фашистам, переводят разговор. Минковский на Желче живет сравнительно недавно, его перевели на Блонскую мельницу из другого района, и, пользуясь этим, он напрапалую врет насчет своего кулацкого происхождения, намекает чиновникам из комендатуры и управления, что ему бы, бывшему владельцу двух каменных торговых лавок и крупорушки, неплохо бы за старания перед Германской империей и великим фюрером получить данную мельницу в личную, так сказать, собственность, стать ее полным хозяином. Он и за помол берет строго по таксе и за мужиками следит, чтобы послушны властям были, и всю полагающуюся к сдаче муку немедленно отвозит на склад и получает соответствующие квитанции. Минковский достает эти квитанции, раскладывает на подоконнике: вот, мол, смотрите, все до грамма сдано, все на строгом учете. Видя его рвение, немцы торопливо говорят «гут, гут», садятся за стол и прежде чем съесть что-то, огурец или аккуратненький рыжик, крутят сначала на вилке перед глазами, нюхают, цокают языком, опять приговаривают свое гортанное «гут, гут», словно гуси гогочут, и медленно, без хлеба едят. И самогон пьют они маленькими глоточками, кривят губы, хлеба не нюхают и вообще закусывать не торопятся. «Тоже мне высшая раса», — усмехается в душе мельник. Он подливает им в стаканы, произносит тост за господина коменданта и прочих господ и, выждав время, убедившись, что все уже изрядно опьянели, начинает просить для мельницы сверх положенной нормы керосину, соли, осторожно интересуется ближними гарнизонами: бывает, что партизаны пошаливают и ему, мол, на мельнице, страшно, неплохо бы охрану окружающих деревень усилить — и ожидают ли в этом смысле какие пополнения...

— Такой линии, Леонтьич, и держись пока, — сказал Козаров, выслушав рассказ Минковского.

— Стараюсь, Николай Васильевич, да уж больно противно... Так бы и двинул чем...

— Не горячись. Придет еще время. А теперь вот что. В Ериховы Дубяги надо кого-то послать, передать Воронину Ивану Петровичу, чтобы в понедельник приходил вместе с Петей Екимовым к трем соснам у болота. Знаешь это место? Помнишь, на тягу ходили?

С этого же дня захватили Козарова организационные партизанские дела. Он побывал у ленинградцев, встречался с пуловскими коммунистами, которые были оставлены для работы в тылу. Ленинградцы уже освоились с лесной жизнью, вели раз-

ведку, радистка передавала их данные на «Большую землю». У них был свой план, своя инструкция. Местным партизанским командам они вообще-то, согласно приказу, прямо не подчинялись, но Козаров мог пользоваться их рацией, взять взрывчатку и боеприпасы. Старший из разведчиков заявил Николаю Васильевичу, что, выполнив задание, они, видимо, получат распоряжение перейти под его, Козарова, начало.

В районе Пулова действовало не четыре партизанских отряда, как сказали Николаю Васильевичу в Ленинграде перед отлетом, а больше. Отряды, правда, небольшие, человек по двадцать — тридцать. Возглавляют их директор МТС Семенов, старший лейтенант пограничных войск Семиренко, председатель сельсовета Филиппов и другие активисты района. Помимо отрядов, есть мелкие подвижные группы. Самая боевая группа Петра Екимова, коммуниста из деревни Ямок.

Всю осень сорок первого года пуловские партизаны действовали активно. Они сожгли несколько мостов, уничтожили с десяток машин с фашистами, нападали на комендатуры, делали засады на дорогах.

В сентябре стала выходить районная газета «Колхозная трибуна». Это было немалым событием. Люди удивлялись и радовались, взяв в руки пахнущий свежей краской газетный лист с родным, знакомым заголовком. Газету передавали друг другу. Распространяли ее комсомольцы под руководством «главного почтальона» Нины Минковской. Печаталась газета в лесу, куда было переправлено типографское оборудование. Сделать это было не просто. Спрятанные в Пулове, в центре села, станки, шрифты и бумагу выносили ночами под носом у немцев. На такое рискованное дело пошли «два Петра»: Петр Соловьев и Петр Екимов. По винтику, по детали, в мешках, в карманах, за пазухой перетаскали они все необходимое для печатания газеты в лес, делали первый номер. На первой полосе, набранной жирным, крупным шрифтом, выделялась заметка «Ни одного зерна фашистским злодеям!». Хлестко, без особого стеснения написанная, она била в самую цель, призывала крестьян не давать хлеб оккупантам, бить их, истреблять, как бешеных собак...

Немцы взбесились, узнав о газете. Они перекрыли все дороги, стали прочесывать лес, не выпускали людей из деревень. Отходя в глубь Сорокового бора, партизаны вели неравные бои. У них не хватало оружия, взрывчатки. Да и опыта настоящего пока не было. И без того малочисленные отряды быстро редели. А тут еще раньше времени снег выпал, прикрыл выручающую спутницу — «черную тропу»: куда ни сунься с дороги — предательский след за тобой...

Так что наступившая зима вынудила партизан несколько сбавить активность. Только группа Пети Екимова, куда входили самые молодые, побывавшие в армии коммунисты и комсомольцы, продолжала сражаться, расширяя зону действия. «Екимовцы» появлялись в самых неожиданных для немцев местах и, застав врага врасплох, били его, сеяли панику и исчезали почти всегда без потерь. Особенной дерзостью отличалась их операция, совершенная в ночь на Первое мая. Затаившись еще с вечера в деревне Гвоздно, партизаны проследили за сменой часовых-полицаев, тихо сняли их, применив хитрость и смекалку, прибили на церкви у самого креста красный флаг и, прихватив с собой пулемет «МГ» с лентами, скрылись в лесу...

Об этом героическом подвиге и вообще о смелых налетах екимовцев Козаров слышал еще в пути по району. А ведь до войны, как помнил Козаров, тракторист Екимов был парнем тихим, застенчивым, девочки звали его Петюней. Круглолицый, русоволосый Петя всегда, даже, наверное, во сне, широко улыбался, краснел, когда его хвалили за работу, на сельской сцене, вызывая у зрителей хохот, играл купцов первой гильдии, генералов и попов.

Улыбкой во все лицо встретил Петя Екимов Козарова и здесь, в лесу, на месте партизанского сборища. К трем соснам у болота он пришел заранее и, завидя своего предрика, из рук которого получил не одну почетную грамоту, рванулса ему навстречу. Петя возмужал, загорел на майском солнышке, ухарски сбитая набок, еле держалась на его голове барашковая кубанка, входящая тогда среди партизан в моду, из-под плаща торчал магазин трофейного автомата, впереди, на ремне, оттопыривалась кобура парабеллума.

— Вот это купец первой гильдии! — воскликнул Козаров. — Вот это ваше степенство!

— Неужто помните, Николай Васильевич?

— Еще как! Ты здорово играл! Артист! Да и сейчас, говорят, неплохие спектакли фрицам закатываешь?

Петя зарделся, даже сквозь загар был виден его румянец. Неуклюже топчась на месте, он поправил свою модную кубанку, смотрел на Козарова восхищенно. Он уже знал, что на базе его группы и других таких же мелких групп создается новый партизанский отряд, командовать которым будет Козаров. Новость эта была по душе неугомонному Пете: теперь-то уж наверняка, думал он, начнутся настоящие дела.

Подавая условный сигнал, подходили к трем соснам партизаны. По-охотничьи бесшумно вынырнул из-за кустов Иван Петрович Воронин, со стороны болота, очищая с себя грязь, появился Александр Уралов, подкралась вместе неразлучные

Михаил Моськин и Федя Николаев. С некоторыми из них Козаров уже виделся, и они знали о цели сбора, другие догадывались. Настроение у всех было приподнятое, боевое: после долгой вынужденной разлуки собрались люди свои, родные, вместе до войны работали, вместе и воевать придется. Начались воспоминания, шутки по поводу козаровской бороды, рассказы о жизни в оккупированном районе. Кто-то предложил пропустить по маленькой ради встречи, и Петя Екимов, услышав этот зов, стал уже снимать флягу с ремня, но Козаров остановил его:

— С этим успеется! Потом! Давайте к делу, товарищи...

Слово «товарищи» хоть и было произнесено очень мягко, действовало как бы отрезвляюще, внесло ту самую серьезность, которая необходима в подобной обстановке. Партизаны подвинулись поближе, стихли разговоры и смех. Козаров сообщил, что ему приказано создать небольшой отряд и возглавить его. Своим заместителем он назначает Петра Екимова. Отряд будет разделен на две группы. Место дислокации первой группы в районе деревни Пеньково, второй — возле Гвоздно. Там надо вырыть и оборудовать землянки, создать запасы продовольствия и боеприпасов.

Козаров развернул карту, полученную им у ленинградцев, расстелил ее на траве, продолжил:

— А боевая задача у нас такая: контролировать основные дороги, особенно железную, от станции Глушь до Подмогильной, вести разведку, работать с населением, громить фашистов, прихлебателей ихних, которые, к сожалению, нашлись...

— наших пуловских немного, Николай Васильевич,— сказал Воронин,— немец с собой основной кадр привез, разных там эмигрантов, подкулачников. И откуда только выползли? Поместья им обещает немец, недвижимое имущество и прочее...

— Вот это «прочее» мы им, Иван Петрович, и сподобим, нам не жалко, у меня есть на этот счет разнарядочка, реестрик,— подал свой насмешливый голос Федя Николаев, инструктор райкома партии, парень веселый, смекалистый.— Николай Васильевич, хочь внести предложение! Можно?

— Обожди, Федор! — остановил его Козаров.— За предателей, конечно, мы возьмемся, но начинать надо не с этого. Скоро годовщина войны, фашисты наверняка ее будут отмечать, итоги подводить. И нам бы не мешало включиться в этот праздничек. У кого какие соображения?

— А чего тут долго соображать? Подгадать бы да ровно двадцать второго июня эшелон грохнуть,— предложил Воронин.— Ходить надо не пешкой, а турой. Я бы пошел на такое задание...

— Насчет туры, Иван Петрович, ты прав,— сказал Козаров.— Начинать надо крупно, громко, сразу во многих местах, чтобы шум по всей округе прокатился. Только ты, Иван Петрович, на это дело не рассчитывай. Ты в Ериховых Дубягах нужен. Веди наблюдение за большаком, все разведанные в «дупло» к Минковскому относны, сам на мельнице не появляйся. Участок у тебя очень важный, и до него мы еще доберемся. А насчет железной дороги надо как следует подумать...

Подорвать эшелон взялся Петр Екимов. Доводы в его пользу были весьма убедительны: обстрелянный уже, жил рядом со станцией, места у полотна на всех перегонах до самого Гдова знает как свои пять пальцев, в армии мины изучал. Так и решили: группу, идущую к рельсам, возглавит Екимов, а оставшихся людей Козаров поведет на шоссе к Спицыну.

Началась кропотливая подготовка к «празднику». На железной дороге партизаны еще не действовали, и все было для них новым, сложным. В группу Пети Екимова входили Александр Уралов, Михаил Васильевич Моськин, Николай Филиппов, Леня Богданов, Хрюкин Иван и Виктор Карпов. Было установлено круглосуточное наблюдение на перегоне Ямм—Замогилье: в этом районе партизаны и решили заложить мины.

Разгорелся спор, сколько мин надо устанавливать, на каком расстоянии друг от друга.

— Под каждый рельс по mine надо как минимум,— доказывал Леня Богданов, студент Ленинградского технологического института, которого война застала в Пулове, у родителей. Он приехал домой на летние каникулы да так и остался, ушел потом в партизаны.

— Зачем под каждый рельс? — напирал на него Хрюкин.— Ты что? Лучше эту мину метров на двести отодвинуть. Для подстраховки. На одной не взорвется, так другая, глядишь, выручит...

— А я думаю, не на двести метров зазор надо делать, а на километр и больше,— высказал свое мнение Моськин.— Эшелоны у немцев длинные, по два паровоза тянут...

Петр Екимов поддержал Моськина: так будет вернее. Договорились заложить три мины на расстоянии пяти километров.

Наблюдение за дорогой продолжалось. Партизаны дежурили по очереди, забираясь на раскидистую сосну неподалеку от деревни Замогилье. Днем ходили по одному, а ночью по двое: в темноте на пару не так тоскливо и страшно.

Петя Екимов всегда брал с собой Богданова. Леонид нравился ему: отчаянный, сильный, разряд по лыжам имеет, в институтской футбольной команде центром нападения был, как и Петя, выступал в самодеятельности. Они много говорили о кино-

фильмах, об артистах, о футболе, о технике, к которой оба имели самое прямое отношение: Петя — тракторист, а Богданов на инженера учился. Устроятся на снос и наблюдают, смотрят в разные стороны дороги, переговариваются тихо.

Раза три ходили они к железной дороге. И результаты наблюдений за движением, данные со станций и разъездов убедили их окончательно в том, что путь хотя и охраняется, но проникнуть к нему незаметно можно почти на всех перегонах.

Выслушав об этом доклад Екимов, Козаров предложил:

— Прощупайте путевых обходчиков, узнайте, что за люди, как ведут себя. Немцы стараются задобрить железнодорожников, кое-где ставят их на повышенное довольствие. С явными врагами и шкурниками церемониться не будем. А насчет мин правильно. Пять километров, три мины — так и действуйте. Смотри, Екимов, чтобы никакого ухарства, людей береги...

Весь день двадцать второго июня партизаны не находили себе места, волновались. С утра моросил дождь, но к обеду небо очистилось, выглянуло солнышко, стало парить. Связные сообщили, что на станции Середка стоит эшелон с живой силой и техникой и что в Замогилье он будет около трех часов ночи. Доставлена была в отряд также немецкая газета, и Леня Богданов перевел статью самого Геббельса. В статье утверждалось, что сорок второй год будет решающим для Германии, доблестные войска великого фюрера добьют красных, Россия падет под натиском несокрушимого оружия.

— Ишь, какой прыткий,— сказал Иван Иванович Хрюкин.— Если Геббельсу верить, так мы уже прошлым летом разбиты. Карпов, Витя, плесни-ка мне еще кулешу, что-то аппетит разыгрался от фашистской брехни...

Перед заданием партизаны решили поплотнее поужинать. Нина Минковская привезла на велосипеде три буханки свежего, еще теплого хлеба, сварили в ведре пшеничный кулеш, напекли картошки и уплетали за обе щеки.

Как только село солнце, двинулись в путь. До Николаевской просеки шли все вместе, потом разделились на три пары. Каждая пара уже знала свой участок, изучила его досконально.

Петр Екимов снова взял с собой Богданова. Провожая две других пары, где старшими были Хрюкин и Моськин, он напомнил:

— Отходим, значит, самостоятельно. Но в случае неожиданной засады или еще чего-то все бегут туда, где стрельба. Первыми без нужды огня не вести. Ну что ж, хлопцы... По коням!

Партизаны исчезали в чащобе. Екимов с Богдановым постояли немного, провожая их взглядом, и тоже пошли. Петя

нес мину, а Богданов — пулемет и ленты. Участок у них был первым, самым ответственным. Он находился недалеко от того дерева, с которого велось наблюдение за дорогой.

Шли они быстро, придерживаясь расстояния видимости друг друга. Похрустывал под ногами валежник, пружинили сухие, отлежавшиеся мхи.

Урочище вскоре поредело, пошли выводками низенькие сосенки, заросли чапыжника, полоса тонкоствольных березок. Екимов свистнул два раза, и Богданов, идущий впереди, остановился, поставил на землю пулемет, спросил, тяжело дыша:

— Ты чего?

— Давай потише, светло очень... Я думаю левее взять, обогнем ту открытую полянку...

Кое-где пришлось ползти по-пластунски: низина подозрительно сочилась водой, засасывала. К дороге выбрались грязными, мокрыми. Притаились в ольховнике, прислушались. Никого вроде поблизости нет, тихо. Где-то возле Ужинской протоки заржала лошадь. Надсадно урчала машина у поселка. Грузовик, по всей видимости, шел в Самолву или в Чудскую Рудницу. Там, на берегу озера, немцы устроили летний лагерь, что-то наподобие дома отдыха для фронтовиков, вот постоянно и катили туда машины по песчаной тяжелой дороге.

— Сколько время, Леня? — спросил Екимов. — Не опоздали?

— Половина второго.

— Пора мину ставить.

Петя подполз к рельсу, солдатской саперной лопаткой принялся копать углубления под шпалами. Отполированная, твердая галька подавалась туго, так громко звенела под лопатой, что казалось, звон этот слышен за километр, у самой станции. Екимов сдувал с верхней губы пот, отбрасывал камешки руками, в кровь обдирая пальцы. А тут еще из-под кубанки волосы выпали, елозят по лбу, свет застят. Он ладонью убрал их, мельком глянул вдоль линии. Состав был уже виден. Он гулко сотрясал землю. Поставив мину в ямку, Петя засыпал ее, заровнял все, как было, и кубарем скатился вниз.

— Отходи, Леня! Отходи подальше! — скомандовал он Богданову и побежал в глубь леса. Они залегли за кочкой, стали ждать. Сердце у Екимова вырывалось из груди, ему не хватало воздуха, горячая пелена застилала глаза.

— Ну, Леня! Была не была! — сказал он, трогая товарища за руку.

Изгибаясь на повороте, эшелон черным чудовищем быстро нарастал впереди. Над паровозной трубой роились искры, султанами клубился дым. Вот паровоз миновал спаренный столб, приблизился к тому месту... Петя невольно прикрыл руками го-

лову, сжал плечи. Сейчас ахнет... Но взрыва не было, хотя и паровоз и половина состава уже проскочили екимовскую мину.

— В чем же дело? — чуть не плача, вскрикнул Петя и вскочил. — Может, я глубоко зарыл? Может, со взрывателем что? Вот раззява! Торопился, понимаешь... Торопился я, Леня... Неужели и вторая мина подведет?

Но вторая мина не подвела. Минуты через две справа рванул к небу столб пламени, грохот и треск прокатились над спящим лесом.

— Вот оно, Леня! Ахнули фрица! Ахнули! — Екимов обхватил Леонида, поднял и стал кружиться с ним. Все три мины Екимов «настраивал» сам, из обычных, противотанковых делал усиленные, железнодорожные, переставлял взрыватели и теперь был счастлив, что изобретение его сработало и эшелон полетел под откос.

— Леня, ты глянь, как полыхает! Ты только глянь!

— Да отпусти ты, сумасшедший! Уронишь! — умолял Богданов. — Я знал, что гробанет! Не наша, так соседняя!

— У нашей тоже все в порядке, только я глубоко посадил ее, перестарался, Леня!.. Это точно!

А зарезо в стороне Замогилья разгоралось с каждой минутой. Языки пламени охватили полнеба. В эшелоне, среди других вагонов, была, видимо, цистерна с горючим, вот оно так и полыхало, разливалось огненным морем.

Екимов с Богдановым постояли еще немного и быстро пошли своим маршрутом, то и дело оглядываясь, любуясь этим огромным пожаром. Им надо было спешить, потому что над поселком уже взлетали ракеты: немцы подняли тревогу. От лесозавода, с вышки, длинной очередью ударил пулемет. Трассирующие пули вонзались в опушку рощи, веером рассыпались над дорогой и гасли. Тревожно залаяли собаки. Где-то у реки затарахтел мотоцикл, послышались отрывистые команды, там тоже, описав крутую дугу, повисла красная ракета...

Домой, в укромное свое место Сорокового бора, Екимов и Богданов вернулись утром. Две другие пары были уже на месте. Все страшно устали, но спать не ложились еще долго, пересказывали и обсуждали детали операции. В центре внимания были Хрюкин с Ураловым. Это на их участке взорвалась мина. Подогреваемые просьбой товарищей, перебивая друг друга, они который уж раз рисовали картину взрыва, показывали, как встал на дыбы паровоз, как в лепешку сплющивались вагоны...

Уснули партизаны часу в девятом. А в полдень Петю Екимова разбудил Козаров. Он еле растолкал его и, когда Петя открыл наконец глаза, сообщил ему дополнительные новости. Состав, который подорвала его группа, был из двадцати вагонов.

Передвигался к фронту какой-то особый батальон. Сто двадцать шесть только убитых. Взлетела на воздух мотодрезина...

— Какая дрезина? — спросил Петя, окончательно просыпаясь.

— Из Гдова шла, к месту крушения.

— Так это третьей миной ее!

— Выходит, что третьей. Двенадцать фрицев — на куски! Наши люди доносят со станции, что транспортный комендант капитан Крегер бушует. Сорвал со зла телефонную трубку...

Рассказал Козаров и о действиях своей группы. Они сожгли деревянный мост через реку Белка, уничтожили два грузовика и восемь фашистов, спилили десятка три телефонных столбов, обстреляли комендатуру в Сорокиной горе, отбили у полицаяв семь лошадей...

А к вечеру стало известно еще об одной новости: в четырнадцать часов десять минут местного времени на семьдесят восьмом километре железной дороги Псков—Гдов подорвался воинский эшелон с техникой. Подробностей пока не было.

Петя Екимов ликовал. Доказала, как он выражался, «свою правоту» и последняя мина, лично им поставленная. Петя подходил то к Хрюкину, то к Леониду, то к Уралову и объяснял им, улыбаясь во все лицо, как он закапывал мину, какое давление требуется на взрыватель для контакта и что он к следующему разу взрыватель усовершенствует, подработает...

— Екимов! — позвал Петю Николай Васильевич. — Ты, помнишься, флагу демонстрировал? С чем она у тебя и цела ли?

— Цела, Николай Васильевич!

— Тогда носи. Сегодня можно. Не одним фрицам праздники отмечать...

Кровь за кровь

Несколько дней ремонтировали немцы железную дорогу: расчищали завалы, тягачами отгаскивали обгоревшие скелеты вагонов, засыпали следы огня. Но всего убрать они не успели, и груды сплющенного железа, паровозная топка с рваной дырой, сваленные под откосом останки машин и орудий, опаленная, пожелтевшая трава действовали на проезжающих фашистских вояк удручающе.

Связной со станции Ямм информировал Козарова, что немцы ошеломлены дерзостью партизан, ввели на всех перегонах круглосуточную охрану, готовят карательные меры. Капитан Крегер отдал приказ стрелять в каждого без предупреждения, кто приблизится к полотну на сто метров. Откуда-то из-под Пскова пришли дополнительные мотодрезины с пулеметами. В

районе Елизарова, Середки и Сорокового бора сводился у полотна лес, ставились заграждения из колючей проволоки, устраивалась скрытая сигнализация

— Надо поблагодарить господина Крегера за такую заботу о нашей железной дороге,— сказал Козаров, собрав партизан.— Екимов, сколько у нас взрывчатки?

— На пять мин еще хватит, Николай Васильевич.

— Маловато. Одной миной наверняка можем сработать?

— Натяжной взрыватель поставлю, и гарантия — сто процентов. Но и за нажимной ручаюсь.

— Готовь нажимной. Дергать за веревочку — риск большой, а нас немного. Сейчас, когда немцы усилили охрану дороги, нам надо доказать, что партизаны не трусили, что смерть фашистов поджидает всюду, как бы они ни охраняли себя...

Руководить операцией снова вызвался Петя Екимов. Через связанного со станции Ямм он узнал, что на всех лесистых участках дороги день и ночь ходят патрули, выставлены секреты. Командует теперь охраной Юксар. Он откуда-то из Эстонии родом, человек злобный, садист, во всем подражает своему начальнику капитану Крегеру, даже очки в золотой оправе, как и у Крегера, достал, слова цедит сквозь зубы, по два раза в день бредется. И комендант полевой жандармерии уже другой — Норман, из эсэсовцев, ездит в броневике. Переводчиками на станции некто Ясметьевы, муж и жена, местные жители, оба продажные, служить фашистам пошли добровольно, стараются угодить. Предают наших людей, зная всю округу, указывают карателям адреса.

Все эти сведения Екимов хорошо запомнил, передал Козарову, взрывать очередной эшелон решил под самым носом у Крегера, вблизи станции. Здесь все-таки, судя по наблюдениям и по данным связных, бдительность немцев поослаблена, стоят в тупиках какие-то старые теплушки, высятся штабеля угля, досок, среди которых можно легко замаскироваться.

Мину партизаны поставили ночью. И не нажимную, как просил Козаров, а с натяжным взрывателем. Другого выхода у Екимова не было, потому что поезд ожидался к обеду, а оставлять нажимную мину на большой срок нельзя: наскочит на нее дрезина или пустой товарняк и все дело испортит.

Операция прошла удачно. Взрыв был такой, что ни в поселке, ни в ближних деревнях не осталось ни одного стекла. Петю Екимова контузило. Он прибежал в Сороковой бор без своей модной кубанки, оглохшим. В эшелоне были дальнебойные снаряды для обстрела Ленинграда, и рвались они страшно. Состав разлетелся на куски. Разметало и рельсы и шпалы, загорелись складские помещения.

Показывая на уши, Петя крутил взлохмаченной головой и ничего не мог сказать, подбородок его мелко дрожал, на лбу запеклась кровь, глаза были красными...

Все лето отряд Козарова не давал фашистам покоя. Разделившись на мелкие группы, партизаны подкарауливали оккупантов, предателей и полицаев в самых неожиданных для них местах, жгли, взрывали, минировали дороги, открывали огонь по колоннам карателей. В Гвоздно и Пенькове уже были готовы землянки, и группы жили порознь, поддерживая связь через «дупло Минковских». Надо Козарову дать приказ Екимову или Моськину, он пишет записку, связанной относит ее к мельнице в дупло — и приказ доходит до цели...

Отряд постоянно пополнялся новыми бойцами. Приходили коммунисты и комсомольцы, мужчины и женщины, записывались целыми семьями. Инструктор райкома партии Федор Николаев воевал вместе со своей женой Татьяной, бесстрашной, опытной разведчицей. Павел Васильев из Пенькова привел с собой двух сыновей и двух дочерей. Подбрасывала кадры и «Большая земля». «Явился с неба», как шутили в отряде, Миша Осипов, веселый семнадцатилетний хлопец. Родители Осипова жили в Москве, и Мишу все звали поэтому Москвичом, забыв про его фамилию. Он сразу же сдружился с Екимовым, с Леней Богдановым и с другими молодыми партизанами, ходил с ними на задания.

А заданий было много. Планировали их Козаров с Екимовым, поступали приказы на ту или иную операцию и с «Большой земли», из Ленинградского штаба партизанского движения. Каждую ночь уходили куда-то группы. Разгромили козаровцы маслозаводы в деревнях Спицыно и Островцы, освободили наших военнопленных у песчаного карьера, взорвал эшелон с танками отчаянный Леня Богданов. Взорвал почти на том месте, где Петя Екимов пустил под откос состав со снарядами.

После подрыва эшелона с танками фашисты объявили Пуловский и ближние к нему районы особо опасной зоной. Они арестовали триста шестьдесят заложников и партиями стали их расстреливать. Расстреливали там, где были совершены партизанами диверсии, сгоняя к местам казни народ.

Заправлял этим кровавым делом Юксар. Приговоренных к смерти выстраивали возле покореженных, обгоревших вагонов, на краю воронки, у разрушенного партизанами здания, на Песчаной горке в Пулове, и Юксар произносил речь. Он отлично говорил по-русски, то и дело одергивал аккуратный офицерский френч. Речь его каждый раз была одинакова: немецкое командование гуманно к послушным и беспощадно к бандитам. За варварские, азиатские действия партизан отвечает все население

ние. Надо сообщать о подозрительных старосте или в комендантуру. За это полагается награда.

Юксар рисовался. Офицерскую форму он надел недавно, и его прямо-таки распирало от счастья. Знал он, что и наблюдают за ним стоящие у машины Крегер и Норман. Это они подсказали ему содержание речи, надеясь, что кто-то из русских выйдет и назовет имена партизан. Если это сделает заложник, его отпустят домой. Если заявит человек из толпы согнанных, того ждет немедленная премия...

Но толпа молчала. Люди жались друг к другу. Всхлипывали женщины. Перебирали босыми ногами мальчишки, искоса поглядывая на автоматы и каски солдат.

Молчали и заложники. Среди них были разные люди: колхозники, учителя, служащие, молодые и в годах, мужчины и женщины. Их арестовали по доносу полицаев и старост как неблагонадежных: был агитатором на ферме, депутатом сельсовета, состоял в комсомоле, часто на собраниях выступал, муж или сын служат в Красной Армии, высказывался против немцев, не уплатил положенного налога или просто не угодил старосте, волостному старшине... Почти все они знали что-то о партизанах, но ни один и рта не раскрыл. Стояли молча, потупив голову, и казалось, ничем не выбить из них слова. Некоторые плакали, просили о пощаде, но никто не выдал товарищей.

Один раз только, когда расстреливали группу заложников у разъезда Глушь, старик Смирнов из Залахтовья, бравший раньше на учет имущество кулаков и за это теперь попавший в число смертников, пожелал высказаться. Он так и сказал: «Желаю высказаться о партизанах» — и, как школьник, поднял руку. Заметив его движение, Юксар с надеждой вскинул голову:

- Выходи, дед, вперед и говори! Ты ведь не коммунист?
- Нет, не коммунист, господин начальник.
- Очень хорошо! Говори и получишь награду.
- Я и бесплатно всю правду выложу...

Старик еле держался на ногах. Он был в одном валенке, в разорванной нижней рубаше, белая борода его торчала острым клином. Опираясь на палку, он сделал волочащий шаг к Юксару, сказал:

- На ухо желаю сообщить сведения, господин начальник.

Юксар усмехнулся, кинул взгляд в сторону Крегера и Нормана, подошел к деду.

— Поближе, господин начальник... Сил у меня нет на громкие слова...

Перегнувшись в талии, Юксар склонил к старику голову, и дед, изловчившись, резко ударил его палкой. Это было так неожиданно, что растерянный командир карателей не нашел ниче-

го лучшего, как искать в траве сбитые очки и фуражку. И пока он, близоруко щурясь, шарил под ногами, дед хрипло кричал: — Сынки! Родные! Передайте партизанам, пусть за кровь нашу...

Сбоку, от броневика полыхнул выстрел. Это стрелял Норман. Он взмахнул «вальтером», подавая команду солдатам, и два десятка автоматов тут же застрочили, слились в один рокочущий гул. Сраженные пулями, люди упали возле деревянной складской стены, застыли в разных позах. Все на секунду стихло. Только эхо, разбуженное торопливой стрельбой, еще катилось по густому ельнику да старик, булькая в горле кровью, пытался что-то сказать, полз по траве, вскидывая белую бороду, судорожно загребая валенком. Найдя свои очки, Юксар подскочил к деду, стал в упор стрелять в его костистую, узкую спину. Дед уже не шевелился, а он все стрелял и стрелял, морщась и нервно дергая рассеченной щекой...

О расстреле на разъезде Глушь и о подвиге старика Смирнова рассказал Козарову Иван Петрович Воронин. Под видом полуслеплого нищего ходил Воронин по деревням, собирал милостыню и необходимые разведанные. Вместе с толпой крестьян пригнали его полицаи в Глушь, где сгорело пять цистерн с горючим, и заставили смотреть на казнь. Вот там и увидел он, как погиб дед Смирнов из Залахтовья.

— Я помню этого деда, — после долгого молчания сказал Козаров, — хорошо помню... А насчет цистерн это точно?

— Сам Юксар заявил. Но и без него известно, что пять. Двое суток река огненная текла.

— Это не наша работа.

— Догадываюсь, что не наша. Соседние отряды действуют. Весь район поднялся. Вон как раскошегарили кочегарку! За твою голову, Николай Васильевич, фашисты уже цену назначили.

— Какую цену?

— А ты разве не знаешь? Вот гляди...

Воронин вынул из кармана несколько аккуратно сложенных листовок, развернул их, разгладил ладонью.

— Берегу как зеницу ока, каждому патрулю эти листки показываю. Подойду к немцу, ткну в твое, стало быть, изображение и поясняю на пальцах, что вот, мол, за этого вражину хочут три коровы получить от великого рейха. Иной фриц, конечно, не сразу сообразит, что к чему, а когда дойдет до него, залепечет «гут, гут» и пропускает без всяких: иди, мол, мужик, ищи ворога, фюрер награды не пожалует...

— Ну-ка, ну-ка, что там...

Взяв листовку, Козаров прочитал ее, посмотрел на свое изображение, засмеялся:

— Три коровы, пятнадцать гектаров земли, пять тысяч марок... Есть смысл донести, Петрович. Сразу помещиком станешь...

— Ты не шути, Николай Васильевич. Дело серьезный оборот принимает. Восемь новых гарнизонов фашистов ставят в районе, по всем дорогам идут каратели. Ты бы поосторожнее теперь, борода твоя рыжая не поможет...

Принес Козаров такую же листовку и Владимир Леонтьевич Минковский. В Гвоздно, в землянку, он прошел потайной, только ему известной тропой, подал условный сигнал часовому. Была ночь. Но Николай Васильевич еще не спал. Он обрабатывал разведанные, переданные Ворониным. На столе, сколоченном из толстых плах, горела семилинейная лампа. Монотонно постукивали ходики. Всю переднюю стенку занимала карта СССР, красной жирной полосой обозначена была на ней линия фронта. На верхних нарах кто-то тихо похрапывал. Пахло еловыми ветками, землей, керосином от коптящей лампы.

— А вы уже и обжиться успели? — сказал Минковский, осматриваясь. — Домовито, домовито!.. Даже часы тикают...

Развязав мешок, он выложил из него крупные буханки хлеба, вареные яйца, целую охапку зеленого лука, десятка два подвяленных лещей.

— Угощайтесь вот... Поработали вы неплохо.

— Балдуешь ты нас, Владимир Леонтьевич.

— Пока возможность есть, все меры принимаю, муку в тайник прячу. Только вот тревожно на душе что-то...

— А в чем дело?

— Слух идет достоверный: немец леса прочесывать хочет...

Поднялись с нар отдыхавшие партизаны, поздоровались с мельником, наполнили землянку разноголосым говором, нахваливая, стали грызть завяленную по-домашнему рыбу, хрустели молодым, сочным луком. Подменили часового, дали и ему широченного леща, отрезали ломоть мягкого хлеба.

Очистив на столе уголок, Козаров в это время сочинял текст для листовки. Провожая Минковского, он отдал ему испанский тетрадный лист, пояснил:

— Пусть Нина размножит. Немецкой пропаганде надо противопоставить нашу, партизанскую пропаганду...

Дня через два в деревнях и селах, на станциях, на видных местах в Пулове забелели отпечатанные на машинке и написанные от руки листовки. Кое-где они были наклеены поверх фашистских приказов и распоряжений, и полицаи сначала не обратили на них внимания. А когда заметили, пришлось с яростью соскабливать вместе с партизанскими и свои, фашистские листовки. Днем приклеивали немцы, а ночью их текст закрывало

уже партизанское воззвание. Полицаи с ног сбились, подкарауливая виновных, но так никого и не поймали. Листовки появлялись всюду, появлялись ежедневно. Староста деревни Загорье Тимофей Кузьмин, по кличке «Юка», принес в комендатуру партизанскую листовку на своей спине. Помощник коменданта обер-ефрейтор Ганс, здоровый детина, игравший по утрам на зарядке двухпудовой гирей, так саданул Юку в скулу, что тот выплюнул два зуба.

Партизанские листовки, размноженные Ниной Минковской, звали народ на борьбу. Были листовки и совсем короткие, по нескольку строк. Узнав о том, что три полица из Сорокиной горы, выслуживаясь перед немцами, убили скрывавшихся в бане пленных красноармейцев, партизаны расклеили «молнию»: «Дрожите, предатели! Вас ждет смерть! Приговор будет приведен в исполнение!».

И как ни осторожничали полицаи, прочитав листовку, кара их настигла. Петя Екимов, Богданов Леонид, Михаил Васильевич Москин, Александр Уралов, Хрюкин Иван схватили предателей в Залахтове, куда они пришли на гулянье, и расстреляли их. Нина Минковская, найдя в дупле письменное подтверждение этому, выпустила новую «молнию»: «Предатели уничтожены. Такая участь ждет каждого фашистского холода».

Оперативно и четко работала подпольная «типография» на мельнице. Нина и Геннадий Минковские, получая данные от Козарова и Екимова, готовили ночами листовки, отвозили их «под камень» между хутором Гладково и деревней Новая Зубовщина. Потом листовки подхватывали другие люди, несли их дальше. Из листовок народ черпал все новости, узнавал о сводках Советского Информбюро, о зверствах оккупантов.

А свирепствовали фашисты по всей округе, страхом и пытками пытались согнуть людей. В деревне Дубок каратели заперли в сарае и сожгли заживо колхозницу Евстафьеву и трех ее малолетних дочерей Таню, Веру и Любу. Когда женщина кричала и рвала на себе волосы, прося отпустить хотя бы детей, полицай оттолкнул ее штыком, грязно выругался:

— У тебя муж, стервоза, в Красной Армии! Таких мы всех под гребло!

Как-то вечером, когда группа Козарова, вернувшись с задания, собиралась ужинать, с поста наблюдения просигналили: к деревне Заклинье движется пеший отряд карателей в тридцать человек. «Сожгут деревню», — подумал Козаров. Он уже слышал от Воронина, от Минковских, от Татьяны Николаевой и других связанных и разведчиков, что в Заклинье полицаи поймали советского парашютиста, сломавшего ногу. За укрыватель-

ство парашютистов немцы применяли самую суровую кару — сжигали деревню, уничтожали поголовно ее жителей. Зная и учитывая все это, Козаров немедленно скомандовал:

— В ружье! Взять оба пулемета, гранаты!

Обходным путем партизаны выдвинулись на Забельскую высоту, замаскировались за валунами. Господствующая над всей местностью высота была очень удобной огневой позицией. Козаров поднес к глазам бинокль, всмотрелся в узкую глинистую дорогу. Карателей еще не было видно, их укрывал лес. Но вот голова колонны замаячила на гати, вытянулась по болотистой равнине. Козаров насчитал тридцать шесть человек. Сзади отряда тащились две подводы, запряженные по-немецки — парами. И солдаты и лошади шли медленно, тяжело. Весь день моросил дождь, и глинистый проселок раскис, к ногам приставали пудовые комки.

— Грабить собираются, Николай Васильевич,— сказал Иван Хрюкин.— Пустые повозки, кажись, тянут...

— Если бы только грабить... Пепел и кровь оставляют за собой, звери. Ты вот что, Иван, бери трех человек и быстренько занимай позицию у мостика. Когда мы с высоты ударим, фашисты наверняка бросятся через мост к перелеску, это — единственное у них укрытие. И вот как только они побегут, вы их и встречайте. Действуйте!

Хрюкин и его бойцы отползли назад, скрылись в кустах. На высоте осталось семь человек, вооруженных двумя пулеметами и автоматами. За одним пулеметом лежал Козаров, за вторым — Павел Иванов. Каратели приближались. Уже без бинокля можно было различить их каски, болтающиеся на боку коробки противогазов. Они шли без боязни, по трое в ряду. Это были эсэсовцы, судя по всему, новички в этих краях. Должно быть, фашисты привлекли для карательной экспедиции солдат отдыхающего в Самолве батальона. Да, скорей всего так. Очень уж ухоженные и brave эти фрицы. Идут, как на прогулку. А кто это рядом с офицером? На рукаве белая повязка, галифе русские, на плече не автомат, а винтовка. Полицей какой-то. Дорогу показывает.

— Командуй, Николай Васильевич,— нетерпеливо, осевшим голосом выдохнул Иванов.

— Обожди... Пусть еще ближе подойдут... Ты бей в хвост колонны, а я резану передних...

Козаров придвинул пулемет, выровнял сошки, припал щекой к прохладной отполированной ложе, поймал центром прорези мушку, повел стволом вправо, в сторону идущих чуть поодаль колонны офицера и полиция. Он хотел начать с них. Вот сейчас... Еще метров двадцать—тридцать... Хорошо видно, как офи-

цер взмахивает рукой, что-то говорит полицаю... У некоторых солдат мундиры на груди расстегнуты, рукава закатаны — жарко...

— Пора,— шепчет Иванов,— я не могу больше...

Козаров не отвечает. Он медлит еще несколько секунд и, касаясь пальцем спускового крючка, командует:

— Огонь!

Взметнул руки и завалился на бок офицер. Прыгнул к бровке дороги и уткнулся там, не успев снять винтовки, полицай с белой повязкой. Заметались, заорали фашисты в колонне. Чувствуя мелкую дрожь пулемета, Козаров, управившись с первой цепью, перенес огонь на отряд, бил длинными очередями с рассеиванием в глубину и ширину. Не останавливаясь, строчил и Павел Иванов, поливали колонну автоматным огнем соседи его. У Козарова пересохло во рту. Он целился, стрелял и кричал азартно, видя перед собой падающие фигуры.

Как он и предполагал, немцы бросились к перелеску. Но и оттуда, от низких березок, из-за кустов ольхи дружно ударили автоматы. Хрюкин со своими бойцами встретил фашистов в упор.

Через две-три минуты колонна врага была рассеяна и уничтожена. Отстреливались лишь несколько эссовцев, успевших укрыться в кювете. Стреляли они нервозно, торопливо. От их огня пострадал лишь один партизан. Пуля, срикошетив о камень, ранила его в плечо.

Козаров дал команду отходить. Партизаны сбежали с высотки и углубились в лес. На тропе возле болот стали ждать группу Хрюкина. Переполненные впечатлениями короткого боя, все молчали, как бы боясь спугнуть эти горячие, свежие впечатления. И только закурив, передавая друг другу «чинарик», заговорили наперебой, жадно. Раненый партизан, сверх меры обмотанный бинтами, говорил азартнее всех, смеялся. Пуля не задела кости, и он радовался этому, крутил плечом, показывая, что вот, мол, смотрите, мне совсем и не больно. Ему чаще, чем другим, протягивали окурки. Кто-то вызвался нести его автомат. Но раненый наотрез отказался и для убедительности повесил автомат на перевязанное плечо.

Вскоре показался Хрюкин. Он держал оружие наизготовку. На ремне его висела граната.

— Братцы, Хрюкин фрица ведет!

Сзади Ивана действительно шагал пленный. Один из партизан подталкивал его в спину: немец почему-то еле перебирал ногами.

— Докладываю, товарищ командир! — вскинул Хрюкин руку. — Задание выполнено, потерь нет, а прибыль вот имеется...

— Сам сдался? — спросил Козаров, кидая взгляд на пленного.

— Как бы не так! Он, зараза, за кочкой притаился и в Филиппова саданул очередью. Но промазал. Филиппов и налег на него, пристукнул маленько прикладом. Поначалу квелый был, думали, копыта откинет, но отдышался. Здоровый, черт!

— Кто же у нас по-немецки-то шпрехает, а? Богданова, жалко, нет...

— Так Филиппов может, Николай Васильевич,— подсказал Хрюкин.— Ты чего, парень, молчишь?

— Да я, знаете, по-своему... без артиклей говорю, спряженные глаголов путаю,— застеснялся Филиппов.— В техникум готовился, ну и учил без отрыва от производства...

— Давай без артиклей,— сказал Козаров, подходя к немцу.— Спроси его, как называется их часть, какую задачу они имели и вообще, что это за гусь.

Филиппов, прежде чем заговорить, раза два сглотнул слюну, наморщил лоб, тронул пленного за рукав.

— Нумер унзере регимент! Намэ унд форнамэ?

Услышав родную речь, немец вздрогнул, заморгал длинными рыжими ресницами, принял стойку «смирно».

— Ишь как он его! — засмеялись партизаны.— Как перед генералом тынется!

— Прекратить разговорчики! — прикрикнул Козаров.— Продолжай, Филиппов.

Повторив свои вопросы, Филиппов с надеждой уставился на пленного. Но тот молчал. Это был рослый малый лет двадцати пяти, весь золотисто-рыжий, в блестящих веснушек, из-под черного мундира его, испачканного глиной, выглядывала кремовая чистая рубашка, на пальце поблескивало кольцо.

— Так чего же он как воды в рот набрал? — возмутился Козаров.— Язык, может, вы ему отбили?

Филиппов ткнул немца в бок, и тот, вскинув острый подбородок, выпалил длинную фразу и замолк.

— Переводи! — торопил Козаров.

— Не понял его ни черта, Николай Васильевич. Тараторит он больно. Эй ты, ланкзаммер, битте, ланкзаммер!..

— Я, я, ланкзаммер! — закивал пленный.— Яволь!

С грехом пополам Филиппов кое-что выяснил. Эсэсовец из особой карательной зондер-команды, прибыли они пять дней назад из города Сланцы, задача у команды одна: очистить здешнюю зону от партизан...

— Очистить, значит? Так, так...

Козаров помолчал с минуту, о чем-то думая, и распорядился отвести пленного в «квадрат Б», где находились ленинград-

ские разведчики. Эсэсовец, как ему казалось, может сообщить ценные данные. Зондер-команда, прибывшая из Сланцев,— это что-то новое... Немцы готовят какую-то каверзу... Надо знать об этом...

Последний патрон

Миша Осипов принял радиограмму: «В районе Ключики в два часа десять минут принимайте груз»... Это известие давно уже ожидалось в отряде: мало было патронов, гранат. Последние тридцать килограммов взрывчатки израсходовали месяц назад на подрыв Ямского лесокombината...

— Николай Васильевич, вот она, долгожданная! — прибежав к оврагу, где партизаны копали нишу для склада, выпалил Осипов.— Только что принял!

Козаров отложил лопату и, светлея лицом, долго смотрел на бумажку, словно на ней не одна фраза была, а полстраницы мелкого текста. Потом огласил радиограмму, распорядился:

— Кончай работу! Выйдем пораньше. Уралов, беги в Пеньково, веди группу Екимова, одним нам не управиться. Да скажи, чтобы топоры прихватили. И живо!

Самолет появился точно в назначенное время. Он качнул крыльями, мигнул по два раза зеленым и красным огнем. Плеснув бензину из пузырька, партизаны зажгли костры. Самолет вернулся к поляне, но был уже виден плохо, гудел где-то в туче, то появляясь, то пропадая.

Всю ночь партизаны искали парашюты, но так и не нашли. Обшарили все заросли на берегу, плавали на плотике по озеру, углублялись в ту сторону, куда ветер дует,— никаких результатов.

Утром Миша Осипов принес Козарову новую радиограмму, в которой сообщалось, что груз сброшен в заданном квадрате. Козаров приказал продолжать поиски.

Больше недели бродили обе группы по лесу. Леня Богданов высказал предположение: может, не там шарим, ветер на высоте иной раз в другую сторону, чем на земле, дует. Послушались его, сходили туда, куда он указывал,— опять ничего...

А уже снег выпал, побелели поля, резко обозначились все дороги и тропинки. Партизаны отчаялись: не найти теперь груза. И вдруг поздно вечером прибегает с мельницы Нина Минковская со своей подругой Машей Бушиной, комсомолкой и разведчицей. Вдвоем они шли специально: остановят на дороге, можно сказать, что в Горско-Рогово на гулянку ходили. Девушки были в валенках, замотаны в платки — одни носы торчат да

пунцовые щеки. Второй день уже кружила метель, даже в лесу до костей пронизывало.

От связных Анны Лазаревой и Поли Николаевой Бушина узнала, что грузы приземлились рядом с деревней Надозерье и что первым обнаружил их Тимоха Михеев, житель надозеровский. Михеев забрал себе табак, парашют, а о боеприпасах сообщил в комендатуру. Немцы увезли груз, вручив Михееву награду: тысячу марок, солдатские сапоги и пакет «бон-бонс» — стекловидных детских конфет. Маша Бушина «по почте» дала знать обо всем Нине Минковской, и вот они пришли в отряд, считая, что дело это важное...

— Спасибо, девушки! — благодарил их Козаров и выгнал из своей землянки молодых партизан, которые, завидев Машу и Нину, стали ухаживать за ними, помогать платки развязывать, снег сбивать с воротников.

Проводив разведчиц, Козаров принял решение: предателя Михеева ликвидировать. Но не тайно, а осудив его сначала перед всей деревней.

Так было и сделано.

Из Надозерья, уничтожив предателя, партизаны пошли в деревню Мосты, где, по данным связных, фашисты будут собирать налоги с населения и на пять часов назначили сход, чтобы выбрать нового старосту. Хотелось партизанам поспеть к столь «знаменательному событию» и, как потешались Екимов с Богдановым, «подать за господина старосту свой голос».

Леня Богданов в лесу вызвался идти первым, хотя Козаров уже дважды менял людей в головной походной заставе.

— Меня оставьте! — каждый раз просил он Николая Васильевича. — У меня же разряд, я всегда лыжню прокладывал...

И он, цепко вглядываясь, шел от дерева к дереву, от куста к кусту, принимая мягкий лесной снег.

Началось мелколесье. Посаженные в начале тридцатых годов сосенки были еще тонковаты, но густы, аккуратные рядки их образовывали узкие, прямые коридорчики. Рядки тянулись далеко, приземистые, припудренные снежком деревца казались Богданову бабами в старинных широких сарафанах. Вот сейчас нарушат свой строй, закружатся, поплывут в хороводе...

В конце коридорчика он остановился. За сосняком начиналась пологая равнина, виднелись за щетинистым красноталом изгиб реки Желчи, полуразломанный амбар заброшенного хутора Янсон, воронка глиняного карьера. Между карьером и амбаром, за кучами земли, метнулась какая-то тень. «Лиса, наверное», — подумал Богданов, но тем не менее подал сигнал опасности. Подошли Козаров и Екимов. Посмотрели, посоветовались.

— Здесь лучшее место для перехода реки, — сказал Нико-

лай Васильевич.— Выше и ниже излучины открыто как на ладони. И деревни там рядом, гарнизоны... Будем прижиматься к берегу...

Богданов пошел сначала опушкой посадок, затем свернул влево, к отороченной ольховником ложбинке. Снег здесь был глубокий, набивался в сапоги, но Ленья не обращал на это внимания, стараясь поскорее спуститься вниз и осмотреть крутизну берега, лед на реке. Группа, выждав некоторое время, двинулась за Богдановым. Партизаны растянулись по всей равнине. Впереди шел Екимов, замыкал колонну Козаров. Обернувшись, Ленья видел, как Екимов поторапливал бойцов, загребал снег длиннополой шинелью. Он дружески помахал Петру и, пригибаясь, побежал по ложбине. До берега оставалось метров сто. И тут резко ударило его по голове, сорвав красноармейскую ушанку. Он лег, стал отползать на дно ложбины. Стреляли от берега, с правой стороны. Подтянувшись на локтях, Богданов раздвинул кусты. Из-за обрыва выскакивали немцы, рассыпались в цепь. Тщательно прицеливаясь, он стал бить по ним короткими очередями.

— В ловушку попали, Ленья! — подползая к Богданову, крикнул Екимов.— Со всех сторон лупят!

Пальба доносилась действительно отовсюду: от посадок, где только что были партизаны, от берега, из зарослей справа. Отряд занял круговую оборону. Богданов и Екимов вели огонь по цепи немцев, наступающих от обрыва. Это был, пожалуй, самый опасный участок: фашисты совсем близко, наступают по всем правилам боя. А в зарослях, судя по выкрикам, по хлопкам винтовочных выстрелов, засели полицаи.

— Отходите ложбиной, Петро! Я прикрою! — Богданов глотнул снега, положил перед собой гранаты. Ложбина делилась на два рукава, и один рукав забирал к самому лесу, почти вприщек, до спасительной опушки оставалось не больше одного стремительного броска.

— Слышь, Петро? Отходите! Оставьте мне пару дисков к автомату!

— Вместе прикроем группу! Одному тебе не управиться. Но Козаров, получив сигнал, оставил на прикрытии Богданова. Он должен был отступить последним. Отступить сразу же, как только голова колонны втянется в лес.

Отстреливаясь, партизаны пошли вверх по ложбине.

— Ленья! — Екимов повернулся к другу, глянул ему в глаза.— Не медли, Ленька, ни секунды, двигай за нами, как приказано! Понял?

— Давай, давай! — торопил Богданов.— Видишь, как фриц наседает! Беги, Петро, в лесу встретимся!

Фашисты, видимо, разгадали замысел партизан и спешили накрыть их в ложбине. От зарослей, поднявшись во весь рост, с криком пошли в атаку полицаи. Сзади их цепи, потрясая пистолетом, бежал офицер. С развилки ложбины ударил партизанский пулемет. Это бил Саша Уралов. Рядом с ним строчили из автоматов Михаил Моськин и Павел Иванов. Оставив на снегу несколько трупов, полицаи отступили.

Теперь предприняли атаку немцы. Ведя огонь на ходу, они молча, соблюдая дистанцию, рванулись к ложбине. То прячась, то выныривая из-за кустов, Богданов брал на мушку каждую фигуру в отдельности, нажимал на спуск. Позиция у него была удобная, он сверху хорошо видел, каждая его пуля достигала цели. Пятерых или шестерых фашистов срезал Богданов, а когда левый фланг немецкой цепи подошел совсем близко, одну за другой метнул три гранаты...

Партизаны уже были в лесу. Выждав еще некоторое время. Богданов тоже стал отходить. Отходил он медленно, то забегаая вперед, то возвращаясь на старую позицию, создавал видимость у врага, что он не один. Удачно перемахнув открытое место, плюхнулся в снег за деревьями. Внизу просматривалась вся ложбина. В правом ее рукаве, неуклюже распластавшись, застыли два трупа. Было до них далеко, и Богданов так и не узнал, кто же из его товарищей остался лежать на снегу. Да и некогда всматриваться: фашисты идут следом.

Дав несколько очередей, Леня побегал по лесу. Он бежал и шел долго, глотая на ходу снег. Его радовало, что отряд оторвался от противника и движется верным курсом. «Теперь ничего,—думал Леня, облизывая горячие губы,—теперь они болотом махнут...»

Сзади послышался собачий лай. Фашисты шли по следу. Богданов побегал еще немного и залег на пригорке. Он решил задержать врага, дать возможность партизанам уйти еще дальше, пересечь болото. У него темнело в глазах, болел затылок; хватая ртом снег, он заметил, что со лба упала капля крови. Потрогал голову и только сейчас узнал: нет на нем шапки. По шее липко стекала кровь. Мокро было под рубахой и в сапогах. «Значит, задело меня тогда»,—подумал Леня, меняя диск в автомате.

Собачий лай был совсем рядом. Две овчарки выкатились из черноты ельника и, обогнув гривку кустов, летели прямо на Богданова. Он знал, что это обученные, злобные собаки, и заранее достал парабеллум. Одну овчарку он срезал очередью из автомата, а вторую успел только ранить, и она молниеносно схватила его за запястье, тяжело навалилась на спину. Закрывая

лицо, Богданов рывком перевернулся, три раза подряд выстрелил в упор. Овчарка заскулила, клубком покатилась по снегу.

Показались немцы. Они стали обходить Богданова с двух сторон.

— А-а-а, суки! — кричал Леня и, прижимая кровоточащей рукой приклад, бил по фашистам, поворачивая ствол то влево, то вправо.

— Эй, ты, сдавайся! — сложив рупором ладони, заорал один из полицаев. — Сдавайся, ничего тебе не будет!

Фашисты пытались взять партизана живьем. Их было около тридцати человек. Но не подпустил их к себе Леня Богданов. Оборонялся он долго. Короткий декабрьский день клонился уже к закату. Опускались над землей сумерки. Леня потерял много крови. Автомат был пуст. Положив беспомощную левую руку на снег, он стрелял с нее, как с упора, из парабеллума. Немцы орали, подгоняя полицаев.

Богданов вынул обойму. Она была пуста. Последний патрон был уже в патроннике. Леня посмотрел на лес. Там, за Желтой, партизанская база, Пулово, его родина, мать, десятилетняя сестренка Таня...

Фашисты, видимо, не слышали последнего его выстрела. Они подошли к партизану уже в темноте, посветили фонариком. Леня лежал вниз лицом, как бы целуя землю. У виска его, в синевшей руке был намертво сжат пистолет, обрызганный кровью.

Операция «Девичьи чары»

Перед новым годом фашисты стали укреплять гарнизоны в Бызьве, Блонске и Сорокиной горе. Все эти селения стояли на основных дорогах, ведущих к Ленинграду и Пскову, треугольником окружали партизанские базы в Сороковом бору.

В красивое село Блонск дополнительно пришла усиленная рота, сформированная в основном из предателей, бывших наших военнопленных. Каратели были одеты в немецкую форму, хорошо вооружены. В казармы они превратили школу, интернат, детские ясли и несколько прилегающих к школе домов. На весь гарнизон было всего восемь немцев: щеголеватый молодой лейтенант Отто, врач Курт, радист, повар, фельдфебель и четыре обер-ефрейтора.

Немцы держались особняком. Они только отдавали распоряжения и следили за порядком. У карателей были свои командиры: сержанты, старшины. Они командовали по-русски и пользовались, по всей видимости, уставными положениями нашей армии. Жители по утрам слышали знакомое «становись», «рав-

няйсь», «смирно» и первое время никак не могли привыкнуть к тому, что эти говорящие на русском и украинском языках люди — враги, каратели, убийцы...

Ко всему русскому лейтенант Отто относился брезгливо. Когда на кухню потребовалась судомойка, он сам лично, не доверяя доктору, осматривал девушек, которых привели полицаи. Не снимая черных перчаток, лейтенант брал девушек за подбородок, заставлял раскрывать рот, смотрел в ушах, в голове. И делал все это медленно, с показным выражением гадливости, словно прикасался к огромным зеленым жабам.

Любаша Платонова, белокурая рослая хохотушка, пройдя этот «конкурс», прибежала на мельницу к Нине Минковской и Маше Бушиной, пожаловалась:

— Девочки, погибаю! В волчью стаю попала, родненькие! На медкомиссии была — потеха! Хотела этому чахоточному гансику в ухо влепить, да маму жалко...

— Ты, Любка, не дури, должность твоя пригодится.

— Вас бы на мое место! Каждая зараза ущипнуть норовит. Воды одной сорок ведер надо, полы скребу два раза на день. Повар к котлам меня и не подпускает, боится, видно, что отравлю их, гадов. А надо бы отравить...

Первое время каратели никуда не выезжали, отдохали, видно, с дороги, мылись в бане. Казни они начали со своей деревни, где жили. По чьему-то злому доносу за связь с партизанами были арестованы братья Соловьевы, Иван и Василий, Виктор Иванов и Федор Тарасович Бушин, отец комсомолки Маши Бушиной.

В воскресенье полицаи согнали к школе народ. Согнали и взрослых и детей, стариков немощных, окружили плотным кольцом. На перекладине школьных ворот люди увидели четыре петли. Под петлями стояли табуретки. Буквой «П» были выстроены каратели. Заложив руки назад, расхаживал перед строем лейтенант.

Вывели из конюшни заключенных. Их трудно было узнать: так, допрашивая, избили колхозников каратели. Федор Тарасович Бушин, без шапки, босой, придерживал за руку Витю Иванова. Снег подтаивал под его голыми ступнями. Он старался поднять голову Иванову: посмотри, мол, на людей, простишь, но Витя висел на руке Бушина безжизненно. Братья Соловьевы держались бодро. Они стояли обнявшись, искали в толпе родных и знакомых...

Мертвые висели целую неделю. Лейтенант сфотографировал их с разных сторон. Когда дул ветер, трупы раскачивались, заостенело били друг о друга. Жители боялись показываться возле ворот.

По ночам на деревенской улице слышались шаги патрульных. Патрули ходили парами, перекликались, ломились в двери домов, требовали самогонки.

В темное время каратели выезжали на погромы редко. Тревога в роте чаще всего объявлялась по утрам. Выходил от радиста лейтенант Отто, подавал команду, хватая оружие, выкатывались во двор солдаты, строились у ворот...

Через Нину Минковскую, Машу Бушину и Любу Платонову Козаров знал обо всем, что творится в деревне. Он встретился с девушками на мельнице: надо было выработать план действий. Маша Бушина и Люба предлагали одно: немедленно напасть на карателей ночью. Козаров понимал их нетерпение: у Маши отца повесили, Любу грязь подтирать заставляют. Маша изменилась от горя, и без того худое ее лицо заострилось, скулы по-монгольски выперли, стали еще крупнее, пронзительнее глаза. Встретив Козарова, она всплакнула, ткнулась ему в грудь, проговорила, всхлипывая:

— Бить их надо, Николай Васильевич... Я хоть с ножом пойду, хоть с палкой...

— Бить надо, Машенька, но с умом. Напролом лезть опасно, силы у врага большие...

— Что ж, заигрывать теперь с ними? — не выдержала нетерпеливая, горячая Люба. — Они вон как пьяные напьются, лучше убегай...

— А я, девушки, и хотел сегодня посоветоваться насчет заигрывания. Это умная идея. Все ли солдаты в роте одинаковы? О чем они думают? Вы говорите, что вот даже немец, доктор ихний, во поход на фашиста. Я предлагаю вот что: знакомьтесь с солдатами, беседуйте с ними. Нельзя ли какие-нибудь посиделки организовать?

— Посиделки можно, — сказала Люба. — У нас гармонь есть, Маша играть умеет...

— Не буду я играть, — потупилась Бушина.

Больших трудов стоило Козарову уговорить Машу, развеять ее подавленное настроение. Она в конце концов поняла. Убедить солдат добровольно перейти на нашу сторону — как это было бы здорово...

— Работа очень трудная, девушки, — сказал Николай Васильевич. — Будьте осторожны. Пока не изучите человека, ни о чем таком с ним не заговаривайте. Среди карателей найдутся и такие, что специально будут ругать немцев. Эти как раз и опасны. Не отвечайте на их провокации, делайте вид, что вам политика безразлична, вы молоды и хотите жить весело. Танцуйте с ними, пойте. В общем, чары свои на полную катушку используйте. В разведке женская красота — тоже оружие...

— Нинка своей фигурой пулемет заменит,— прыснула Люба,— а Маша — танкетку...

— Уймите Любку, Николай Васильевич,— пожаловалась Нина Минковская.— Ей бы посмеяться, а серьезности никакой.

— Ты уж больно серьезная у нас!

С улыбкой наблюдая за девушками, Козаров думал: «Милые вы мои, сами не знаете, какие вы хорошие и как бы нам в отряде тяжело без вашей помощи было...» Он хотел сказать это вслух, но не сказал, боялся, что волна жалости захлестнет его, размягчит.

Командиром комсомольской девичьей группы Козаров назначил Марию Бушину. Нина Минковская отвечала за связь. Она была комиссаром. В группу, помимо Любаши Платоновой, вошли еще три девушки: Маша Ильина, Валя Павлова и Поля Николаева из соседней деревеньки Гнильск.

Незаметно и тихо начали они свое дело. В пятистенной избе бабки Прасковьи Люба сломала перегородки. Получился большой зал. Принесли туда патефон, гармошку, гитара плохонькая нашлась, балалайка. Перед рождеством христовым устроили девушки вечеринку, танцевали, пели частушки.

Заскочили сначала к ним патрули. Потом из школы с десятком солдат пожаловало. Не снимая шинелей, расселись солдаты на скамейках, вели себя сносно: трезвые были. Попытался один приставать к Вале Павловой, так Люба его приструнила:

— Эй ты, жених! Вот скажу господину лейтенанту, он тебе пропишет свадьбу!

— Любка, ты с ума сошла! — напала на нее Нина Минковская, когда каратели ушли из избы.

— Ничего! Не черта их бояться! Лейтенант Отто меня из всех выбрал, они это знают...

Командир карателей давно уже и забыл, поди, кого благословлял в судомойки, а Люба не забыла, использовала это, намекала при случае на доброе якобы расположение к ней лейтенанта. И солдаты, надо сказать, побаивались ее, слушались. Брала Любаша, конечно, но мнимым расположением лейтенанта, а своей неотразимой красотой, юмором, мягкостью натуры, обаянием. Никто не знал, как трудно было ей иной раз смеяться, быть разбитной, бесшабашной. Состояние такое, что плакать хочется, а плакать нельзя, улыбайся, шути, веселись. А тут еще от матери попадало. Смотрит Анна, как дочка ее, вернувшись с «бандитской кухни», начинает брови чернить, и подступает с вопросами, округляя глаза, всплескивает руками:

— Куда это ты, Любовь? Ты чего это в зеркала-то выставилась, а? Батушки, и бусы нацепила! Не позорь мою бедную головушку, дай умереть мне спокойно, потаскуха окаянная!

Как объяснишь матери, что собирается она на дело, выполняет партизанское задание! Решили комсомолки никому о своей операции не говорить, даже родным и близким. И Козаров не велел. Один узнает, второй — пойдет гулять слушок по деревне. Иной человек и не заметит, как добро его во зло обернуться может. Но все-таки однажды Люба не выдержала, обняла плачущую мать за худые плечи, встряхнула ее:

— Мамочка, милая, ну погляди на меня, погляди! Нам нужны эти вечеринки, нужны! Понимаешь, мама? Неужели не ве-ришь?

Поняла Анна и поверила, но тревога за дочь, за ее жизнь не давала ей спать по ночам. Она теперь не укоряла Любу, насыпала в уют углей к ее приходу, гладила голубое платье, купленное перед войной в Ленинграде, ставила самовар.

В Прасковьиной избе Люба появлялась первой. Приходили вскоре Поля с Ниной, обе Маши и Валя. Часам к девяти народу набивалось много. Солдат отпускали за ворота свободно, и они с охотой посещали посиделки: ведь это было единственное их развлечение. Они даже притащили керосину, две лампы со стеклами, красноватые немецкие свечи, с десяток заигранных пластинок. Наточив о кирпич иступившуюся иголку, запускали ободранный патефон, танцевали под утесовское «Сердце, тебе не хочется покоя», под саратовские страдания. Достала где-то Маша Бушина украинскую песню «Распрягайте, хлопцы, коней», и пели ее солдаты, вторя патефону, раз по десять, пели не так, как принято ее петь, а с большой грустью, с надрывом. Начинали обычно Иван Сидорчук и Кочубей Василий, неразлучные приятели, земляки.

Появлялся раза два на вечеринках немецкий фельдфебель. Он был плотен, по-бабьи широк в заду, с золотыми зубами, и звали его Фриц. Произносить это «ругательное» имя девушки опасались, величали немца господином фельдфебелем. Фриц ведал в гарнизоне овчарками и любил только своих овчарок.

— Собак — карош, человек — не карош,— поднимая похожий на сардельку палец, говорил Фриц.

— Сыграйте, господин фельдфебель,— просила Люба,— очень симпатичная у вас музыка.

— Момэнт, момэнт, Люба! Я есть сыграйт!

Носовым платком обмахивал фельдфебель губную гармошку и, притопывая ногой, выводил мелодию за мелодией. Девушки аплодировали ему, и Фриц сиял, раскланивался, как конфетансье на сцене.

Танцевала Люба чаще всего с Иваном Сидорчуком. Они кружились в накуренной избе и тихо переговаривались.

— Странно как-то,— улыбалась Люба.

— Что странно? — дышал ей в ухо Иван.

— Да вот речь у тебя русская, а форма немецкая...

Иван хмурился, замолкал и говорил потом обидчиво:

— Насчет формы разговор особый...

Люба чувствовала: большая борьба кипит в душе этого человека. Она не задавала ему больше острых вопросов, но Иван сам уже искал встач с ней. Прибежит на кухню за кипятком, скажет как бы между прочим:

— Завтра в Юшино едем... Прячут там жители беженцев, прочешем деревню. Эшелон для отправки в Германию формируют...

— А на танцы придешь?

— Если вернемся рано, приду.

— Васе Кочубею привет. От меня и от Маши Бушиной. И Воеводенкову привет, Белоконю, Зазулину Боре...

— Послушай, это не та Бушина... Ну, отца которой...

— Она самая... Что, нравится?

— Не в этом дело...

Так и подмывало Любу высказаться начистоту, пристыдить этого Сидорчука и всех его друзей, предавших Родину, плюнуть им в морды, но приказ есть приказ. Передавая сведения Маше Бушиной или Нине Минковской, Люба просила, чтобы ее перевели в партизанский отряд, не может она «разводить дипломатию с этими гадами».

Козаров, узнав об этом из «почты», послал Петю Екимова, и тот, встретившись с Любой в Гнильске у Поли Николаевой, дал ей взбучку. Партизаны работой комсомолок довольны, их данные, которые они добывают в гарнизоне, помогли спасти жизнь десяткам наших людей. Группа должна действовать в том же духе: изучать карателей, находить с ними контакты, открываться пока рано. Под конец своей строгой речи Петя Екимов не выдержал, заулыбался во все лицо, стал разворачивать сверток.

— Николай Васильевич просил передать... Подарок вам, девчонки, из отряда... Уж сами разделите...

Восемь плиток шоколада и две коробочки духов — вот что было в свертке. Эти «женские трофеи» Петя Екимов со своими орлами нашел в офицерской легковой машине, которую они гробанули на Спицынском повороте еще в начале января. Подстрелили они тогда трех офицеров, забрали портфель, в котором, кроме этих духов и сладостей, были две ценнейшие карты и деньги — десять тысяч марок.

Зима стояла морозная, ясная, каратели обложили Сороковой бор, круглосуточно дежурили на мостах и перекрестках, но партизаны все равно ухитрялись проскакивать перед самым их но-

сом, лупили врага днем и ночью. Большими группами, правда, не выходили, но и одиночные бойцы, пары и тройки доставляли оккупантам и предателям много хлопот. Ликвидированы были переводчики Ясметевы на станции Ямм, староста Кузьмин по кличке «Юка». Из-за этого самого Юки погибли Леня Богданов, Иван Хрюкин и Павел Иванов. Юка выследил тогда партизан, навел на их след карателей, устроил засаду...

Жили партизаны скудно. Отряд расхилялся, а продуктов и боеприпасов не хватало. Хлеб, поставляемый Минковским с мельницы, делился на строгие порции — двести граммов на человека. Не было соли, мыла, табаку, из-за чего особенно бедствовали...

* * *

Из Гнильска вместе с Любой пошла и Поля Николаева. Они спрятали под пальто шоколад, подаренный Екимовым, и шагали, весело болтая. От Гнильска до Любиного дома полтора километра. Под горой, за леском, мельница, где живут Минковские. Туда ведет накатанный до глянца санный след.

Вечером, как и всегда, собрались у Прасковьи. Люба отправила старуху к своей матери. Она надеялась, что сегодня с Иваном Сидорчуком может состояться серьезный разговор. Утром Сидорчук встретил Любу на кухне, посмотрел на нее значительно. Сказать ничего не успел, торопился.

Иван пришел поздно. С ним был Вася Кочубей. От них пахивало водкой.

— А мы уж хотели расходиться,— сказала Люба,— у Маши вон зуб разболелся...

— Зуб? Ерунда! Сейчас вылечим! — Сидорчук вынул из кармана плоскую флягу, поставил на стол алюминиевые стаканчики, нарезал тонкими кружочками колбасу, положил яблочный мармелад в красивой обертке.

— Выпьем немецкого шнапса, девушки! И закусим немецкой колбасой!

Сидорчук, не чокаясь, первым опрокинул стаканчик и тут же налил себе еще. Выпил и Кочубей. И ему Иван вторично наполнил. Девушки не пили. Предчувствуя что-то недоброе, они пугливо поглядывали по углам, хотя в избе сегодня, кроме этих двух солдат, никого не было.

— Значит, брезгуете? — багровея лицом, спросил Сидорчук.

— Ну что ты, Ваня! Чего нам брезговать, мы тоже выпьем,— успокоила его Люба и торопливо взяла посудину.— Поднимайте, девчата, да песню затынем...

Но Сидорчук не унимался. Сощурился мутные глаза, он пьяно говорил, что они с Васькой и вообще вся их поганая рота ху-

же немцев и что им теперь никогда из этих мундиров не вылезти. Неизвестно, чем бы кончился этот вечер, если бы не Воеводенков, который, запыхавшись, влетел в дом и увел дружков своих в казарму.

Объяснился Сидорчук несколько позже в избе у Маши Бушиной. Они патрулировали с Кочубеем и заглянули на огонек. Как и прошлый раз, оба были навеселе. Маша вынула из печки горячую картошку, поставила блюдо с капустой, огурцы.

— Вот это еда! — потирая руки, воскликнул Сидорчук. — Это не то что рацион немецкий...

— А что? Немцы вас хорошо кормят, — заметила Люба, нарезая хлеб. — Колбасу дают, масло, конфеты даже, печенье...

— Да, колбасу дают, — вздохнул Иван. — Вот за эту колбасу мы им и продались. В одном концлагере мы с Васькой сидели и в плен вместе попали. Захлопнули нас немцы в Крыму, от полка батальон остался. Привезли в концлагерь, жрать не дают, ребята на проволоку с отчаяния бросаются. И тут появился один тип, уговаривает: немец на Волгу вышел, России — крышка, записывайтесь в специальные охранные отряды, где вас и кормить будут и оденут. Человека три сразу записались, остальные молчат. Подумайте, говорит, пока не поздно, войне конец скоро, охранять будете, а не воевать, сыты, обуты, жизнь один раз дается. Несколько раз приходил он агитировать, и мы поддались на уговоры, записались. Верно, кормить стали неплохо, мясо дают, обмундировали. Сначала охраняли склады, а потом нас сюда пригнали. Эсэсовцами мы стали, карателями. И тут нам погибель! А потому пей, Вася, гуляй, ходу назад нам нету. Эх, если бы заново все переиграть!

— Еще не поздно, — твердо сказала Маша, — выход есть... Кровью можно искупить вину...

Сидорчук подался к ней, губы его задрожали, кивая на Кочубея, он приглушенно заговорил:

— Нас не бойтесь... Мы чувствуем, кто вы есть...

В этот вечер условились так: Сидорчук и Кочубей сколачивают в роте надежное ядро, связь через Любу, предварительная встреча с партизанским командованием в любое удобное для Ивана время...

Сидорчук не обманул, действовал активно и смело. Люба получила от него ценные сведения. К середине марта в роте работала подпольная группа. В нее входили Кочубей, Кацевейко, Зазулин, Воеводенков, Полькин, Белоконь, Бодунов, Гремяко, Никифоров... Вместе с Иваном Сидорчуком четырнадцать человек. Белоконь и Кацевейко были командирами отделений, Зазулин отвечал в роте за боеспитание и оружие.

Посиделки продолжались. Они стали веселее. Вернее, это

уже были не посиделки, а деловые встречи. Танцевали, беседуя о разных новостях и деталях, нужных обеим сторонам. Когда появлялись в избе чужие или фельдфебель Фриц, начинали «крутить любовь». Сидорчук обнимал Любу, Нина Минковская любезничала с Борисом Зазулиным...

Сидорчук сообщил как-то, что в роте есть не меньше десятка отпетых, убежденных предателей, которых они уничтожат. Одного Белоконь уже кокнул, когда их взвод вел перестрелку с партизанами на Плюсском большаке.

В апреле, когда открылась «черная тропа», Сидорчук, Воеводенков, Зазулин и Кочубей встретились с Екимовым и Моськиным у Сухого болота. Привела их туда Маша Бушина. Договорились о том, что рота, перестреляв немцев и убежденных прислужников, с полным вооружением переходит на сторону партизан у этого болота. День перехода сообщить через Любу и Нину Минковскую...

Пошли теплые дожди. Лес задымился свежей зеленью. Партизаны ожили: золотое время наступает.

Как-то в землянку по «почте» пришла записка. В ней было три слова: «Вторник, восемь вечера». Козаров передал Моськину:

— Иди встречай этих субчиков... Операция «Девичьи чары» завершается...

Но во вторник и среду случилось много бед, которые на войне трудно предвидеть. В назначенный час рота перешла не в полном составе. Одна треть ее, возглавляемая Белоконем, была еще в казарме. Дело в том, что во вторник карателей разбили на две группы, и ездили они в разные пункты. Сидорчук со своими людьми свернул к партизанам прямо с дороги, не появляясь в деревне. Из леса он послал к Белоконю связного Ивана Цымбала. Связной должен был дать сигнал Белоконю, и Белоконь, как они условились, уничтожает немцев, забирает продовольствие, рацию, оружие и двигается в заданный квадрат.

Иван Цымбал предал друзей. Он побежал не в свой гарнизон, а в Пулово к немцам...

В полночь фашисты нагрянули в Блонск в пяти машинах. Приехал в броневике оберштурмбанфюрер Норман. Солдаты только легли спать. То, что не вернулись еще два взвода, у лейтенанта Отто не вызвало подозрений: задержались где-то, такое случалось. И он приказал командовать «отбой», не ожидая остальных. Солдаты разделись, но глаз не смыкали. Белоконь не находил себе места. Они ждали связного...

И вдруг рев машин, грохот. Белоконь крикнул, побежал к пирамиде с оружием, но не успел, фашисты ворвались, сбив двери...

В нательном белье погнажи их, остатки роты, на окраину деревни, в парк. Заставили рыть могилу. И, не дожидаясь, когда яма будет хотя бы по пояс, стали торопливо расстреливать из десятков автоматов...

Лежащие в могиле так и не успели стать партизанами. Но и карателями они уже не были.

* * *

Козаров и Екимов с усиленной группой ходили этой ночью на задание — были у ленинградских разведчиков, несли от них сто килограммов тола.

Ничего не зная о трагедии в Блонске, на рассвете подошли они к мельнице. За рекой сделали привал.

— Пока люди отдыхают, может, заглянем к Минковским? — предложил Екимов. — Новости узнаем, листовок прихватим. С Ниной поговорим насчет того поручения...

Козаров согласился. По шатким перильцам перешли они на другой берег Желчи, тихо постучали в кухонное окошко: три коротких удара, один длинный. Знакомо звякнул засов, высунулся Владимир Леонтьевич Минковский, пригласил в избу.

— Что нового? — спросил Козаров шепотом.

— Да мы не спим, говори громче. Нина с Генкой в подвале листовки печатают, хозяйка хлеб печет.

— Каратели перешли?

— Геннадий видел, как Моськин повел их на старую базу.

— Это правильно. Расформируем по отделениям, пусть покупают вину...

— Может, чайку поставить, Николай Васильевич? Авдотья, где ты там?

— В другой раз, Владимир Леонтьевич. Нину надо повидать, есть к ней одно дельце...

Козаров присел у окна на скамейку, толкнул раму и увидел, как по дугу плотной цепью шли немцы.

— Всем в подвал! — крикнул он, срывая с плеча автомат. — Екимов, сюда!

Две очереди ударили по фашистам. Начался бой. Было ясно, что мельницу окружают. В кухню ворвались два рослых солдата. Екимов отскочил к двери и тут же был убит наповал. А Козаров схватился в рукопашную. Одного фашиста он в упор пристрелил из пистолета, второго оглушил рукояткой. Бросив три гранаты подряд, Козаров выскочил в сени и, ведя огонь на ходу, метнулся в кусты. С того берега уже спешили на помощь партизаны...

Но спасти Минковских не удалось. Только Нина, прихватив с собой листовки, уползла между поленищами дров. А Владимира Леонтьевича, Евдокию Ивановну и Генку увезли в Пуловскую тюрьму.

В это утро арестовали Любу Платонову, Валю Павлову, Анну Утину и еще десятки людей из ближних к Блонску хуторов и деревень.

Всех арестованных посадили в разные камеры и на допросах страшно пытали. У Евдокии Ивановны отнялись ноги, она передвигалась на костылях, милостиво брошенных надзирателем. Но и ее не щадили изуверы, жгли огнем, полагая, что она всех слабее и скажет, где партизанская база. Фашисты обещали отпустить Минковского вместе с женой и сыном, если он укажет «гнездо бандитов», назовет тех, кто печатает листовки, которые в эти дни, пока они сидели в тюрьме, появлялись повсюду.

— Вы меня ведь знаете, господа,— монотонно отвечал Владимир Леонтьевич.— Я простой мельник, подневольный человек, верно служил немецкому командованию...

— Молчать! Знаем, кому ты служил, собака!

Офицер стучал кулаком, и разлетались на столе листовки со знакомым Нининым почерком. «Жива дочка наша»,— радостно думал мельник и продолжал заученное «Я ничего не знаю», падал, сбитый ударом...

Мучили фашисты и Генку. Но и от мальчишки ничего не добились.

Утром, после обхода надзирателя, услышал Генка стоны во дворе. Он вскочил на подоконник, схватился за решетку и обомлел: каратели подгоняли прикладами к стене, где обычно расстреливали людей, его мать, отца, девушку Валю из деревни Блонск, женщину из Надозерья и троих незнакомых. Руки у них были закручены проволокой. Только Евдокия Ивановна не была связана, она шла на костылях.

— Ма-а-м-а-а! — забился в крике Генка.— Ма-а-м-а-а!

Соседи по камере с трудом оторвали мальчишку от решетки. И тут же частые выстрелы забухали во дворе...

А Любу Платонову казнили отдельно, у Песчаной горки, на глазах у людей. Перед тем как идти по поселку, она попросила разрешения умыться, причесала свои пышные белокурые волосы. Косоглазый охранник Култын, перевидевший сотни казней, подавая Любе котелок с водой, подивился: девятнадцать лет девочке, смерть на пороге, а она красоту наводит...

Умирала Любаша героически. Как только палачи подняли винтовки, выпрямилась она, расправила плечи и пошла на врагов, как в атаку, со словами «Интернационала»...

Никто не забыт...

— Вот оно, как времечко-то бежит,— с дрожью в голосе говорит мне Козаров.— Четверть века после войны миновало, а я, понимаешь ли, и не замечаю. Будто вчера все и было-то...

Пятый день уже ходим мы с Николаем Васильевичем по партизанским местам, встречаемся с живыми свидетелями тех тяжелых, героических лет. Именно ходим, потому что Козаров от машины отказался: «Давай уж все тропы ногами перемеряем».

Начали мы с Пулова, с Песчаной горки. Внизу, за банями, эта горка. Надо пройти через весь поселок и свернуть вправо, обогнуть ручеек. Вот этим маршрутом и вели каратели комсомолку Любу Платонову, милую, ласковую Любашу. В Пулове многие помнят, как она умирала.

Останавливаем старуху, несущую из сосняка корзину маслят, начинаем с ней разговор. Прежде чем ответить, бабка ставит корзину на землю, передником трет повлажневшие глаза, вздыхает.

— Песню она запела... Молоденькая, пригожая... Зарывать было жалко... И мельника с его Авдотьей тут же закопали... Много лежит здесь народу, царствие им небесное...

На месте тюрьмы теперь развалины. Торчит из лопухов и крапивы угол стены, где в последний раз видел Генка мать свою и отца. Восемь средних шагов — с такого расстояния их расстреливали...

— Тринадцатого июля это было,— говорит Козаров, надевая свои старомодные очки.— Тринадцатого июля сорок третьего года...

— А что с Генкой? Куда его дели?

А Генка в тюрьме заболел. Потом его хотели в Германию отправить. Да не повидал он фашистского рейха, шмыгнул в Литве из вагона, к партизанам прибился. Имею данные от друзей, что отчаянным разведчиком был он, в боях участвовал. Сейчас я с ним переписываюсь. Живет он в Ленинграде, на заводе «Светлана» работает. Жена у него, дочка четырех годовиков.

А Нина, редактор наш над листовками, погибла в сорок третьем же, в октябре, в бою за станцию Плюсса. Ранило ее осколком, и ребятанесли ее на шинели, торопились. Но умерла она, на руках у них и умерла. Я подошел к ней, когда она еще дышала. Смотрит на меня, а сказать ничего не может, сама горячая вся...

И Олюшка погибла, сестра Нинина. Мученической смертью в псковской тюрьме. Оказалась она в облаве, отстреливалась до последнего патрона и, оглушенная взрывом, попала им в лапы.

Из семьи Минковских только Генка да Виктор остались. Ну, про Генку я говорил, а Виктор Владимирович, как и положено, отвозвал, воздушным стрелком-радистом был. А теперь тоже в Ленинграде, старший инженер в каком-то НИИ...

Пообедав у знакомой учительницы, мы идем в деревню Блонск. Нас еще вчера там ждали, но что-то медленно подается козаровский маршрут, задержек в пути много, поворотов в сторону. Вот и сейчас, не успев Пулова миновать, забираемся на бугор. Николай Васильевич показывает дом, откуда партизаны выкрали детей, которых фашисты собирались отправить в Германию. Детей немцы тоже отправляли, хотели их онемечить, воспитать в своем духе. Смелая это была операция, партизаны в ээсовскую форму переодевались, машину достали. Жертвы были, но что поделаешь — детей спасти надо...

А там, у мосточка, сутки как-то Саша Уралов с ребятами сидел. Хотели они начальника гражданской полиции Арнольда Яреца поймать. В Закрапивень у этого Яреца зазноба была, и он туда похаживал вечерами. Знали ребята, что начальник полиции черный полушубок носит. Сидят, ждут, продрогли до костей. Вдруг видят: человек идет. Но в шинели. Они его не тронули. Минут через сорок вторая фигура замаячила. В полушубке. Накрыли его мешком партизаны, связали веревкой, на базу добычу переть собрались, да чувствуют — кошками сильно пахнет. Пригляделись, а это староста Закрапивенский Кузьма-кошатник. Шкуры он с кошек сдирал, вот его и звали так. Уралов аж застрял от злости:

— А где Ярец?

— Так впереди прошел...

Дали партизаны кошатнику пинка, пообещали еще встретиться с ним и скрылись.

Мы вошли в лес. Прямо на дороге, между пробитых в деревине колесных канавок, стайками росли грибы. Пахло брусничкой и разогретой на солнце смолой. Это была та самая дорога, по которой бежал в Пулово предатель Иван Цымбал, по которой гнали на смерть заключенных...

Возле речки Грязницем Козаров снова тащит меня в сторону. За кочковатым болотцем останавливаемся на полянке.

— Вот здесь был госпиталь,— говорит Николай Васильевич.

— Где? — Я верчу головой, стараясь увидеть хотя бы следы строения.

— Тут он был, прямо на земле. В начале осени сорок третьего года дали мы сильный бой карателям, в дым размолотили крупную колонну, но и сами потери понесли, тринадцать человек только тяжелораненых у нас было. Куда их девать? Тогда, понимаешь ли, разозленный немец против нас целую экспедицию

предпринял, регулярные войска двинул. Предложил я раненых под ответственность Ивана Петровича Воронина сдать, нашего лучшего связного и разведчика из Ериховых Дубяг. Так и решили. Принесли их, бедных, сюда, сложили на лапник, плащ-палатками укрыли, а сверху опять лапник: с десяти шагов не различишь. А что делать? Фашист рыскает, базы наши окружены. И этих раненых Меланья Борисовна, жена Воронина, и дочки ихние, Тоня с Ниной, выходили. В Ериховых Дубягах немец стоял, а они каждый день, рискуя жизнью, с корзиночками за два километра будто за грибами и ягодами ходили. Лекарств никаких, бинты из наволочек. Меланья травы какие-то заваривала, коренья в ступе толкла, Тоня еду готовила, а Нина — ей тогда и двадцати не было — бинты стирала, перевязки делала, в изголовье у бойцов сидела. С питанием плохо было, последнее отдавали, у родственников и знакомых Иван Петрович по крохам хлеб собирал. Сестра Меланьиная Прасковья достала где-то йоду немного, извести, таблеток стрептоцидовых. Этим и лечили. Заботой, конечно, брали, уходом, себя докторши не жалели. Это мы потом уж их докторшами-то прозвали. Пятьдесят дней и ночей по очереди дежурили Воронины возле раненых. Тоня уйдет, Нина заступает, потом сама Меланья с ложечки своими снадобьями ребят потчует, по дольке лепешку делит, молоко козье кипятит. А тут, понимаешь, холода ударили, дождь сеет, ветер промозглый наваливается. И немцы рядом. Болото только и спасало. Сейчас прямо и не верится, что все раненые выжили. Да, выжили! Выходила их Меланья с дочками, на ноги поставила. Начальник политотдела шестой партизанской бригады Федор Цветков там лежал. Сейчас он директором школы в городе Острове работает. Давай-ка к Меланье-то заглянем, тут уж рядом, хоть и не по дороге...

Ериховы Дубяги, глухая деревенька домов под тридцать, стоит на возвышении. Вторая изба от речки — Ворониных. Меланья Борисовна сидит на завалинке и вяжет чулок. Возле нее по лужайке бегает голенастая девчонка, гоняет хворостиной гусей.

— Пенсионерам мое почтение! — кричит с тропки Козаров и, как испанский гранд, шутиливо размахивает своей задубелой соломенной шляпой.

— Ах ты, батюшки! — вскакивает Меланья Борисовна. — Никак, Николай Васильевич!

— Он самый! Ставь, matka, яйца, млеко и шнапс в сорок градусов!

— А ведь и поставлю, родимый, имеется, на твое счастье. Сынок у меня гостит, так бегала давеча в лавочку...

— Пошутил я, Борисовна. Некогда, понимаешь, в Блонске нас ждут.

— И не отнекивайся, не отпущу! Юра, глянь, кто пришел к нам!

Из сеней показался сын Меланьи Борисовны Юрий. Они обнялись с Козаровым: партизанили вместе, пуд соли съели...

В Ериховых Дубягах мы заночевали: не отпустила-таки Меланья Борисовна. На закате солнца сидели под навесом, вспоминали прошлое. Выпив стопочку, Меланья Борисовна прослезилась: жизнь в деревне хорошая началась, а хозяин не дотянул, умер в трудные годы. Ивана Петровича схоронили с почестями лет пятнадцать назад. Он был председателем колхоза. Любили его люди. Юрий шофером работает в городе, Нина учительствует в Горско-Рогове, Тоню муж-офицер в Калининградскую область увез.

— Пять внуков у меня,— рассказывает Борисовна,—одних гостей провожаю, других встречаю...

Меланья Борисовна еще работает, бригадир в пример ее ставит. Она и за льном ухаживает и амбар стережет, сортирует зерно на току. За партизанские дела наградили ее медалью «За боевые заслуги».

— Медаль-то у меня солдатская,— говорит Меланья Борисовна,— полковник вручал. Поздравления мне из военкомата присылают, как бойцу...

На второй день Борисовна вызвалась проводить нас до реки. В березняке она остановилась, помахала рукой. У меня в голове звучали слова ее рассказа о «госпитале»: «Страшно было, когда мы на телеге с Иваном раненых по лесу везли. Я морду-то лошади платком укрыла, целую ее, приговариваю: не заржи, голубушка, не выдай».

В Блонске встретила нас Мария Бушина. Она работает тележницей в совхозе, член партии. Муж у Марии Федоровны тракторист, три сына у них, старший, Виктор, в армии служит. Из группы девушек, выполнявших задания партизан, в живых осталась половина.

Маша водит нас по селу. Вот он, парк, возле озера, где фашисты расстреляли остатки карательной роты. Низенький холмик зарос бузиной.

А вот то место, где школа была. Сожгли немцы школу. Гарнизон вскоре был ликвидирован. Боялись фашисты этой деревни. Носа туда не свали.

Следом за блонским пали гарнизоны в Бызьве и Сорокиной горе. Солдаты полностью перешли на сторону партизан.

Побывали мы с Николаем Васильевичем и в тех местах, где землянки были, у высотки, с которой они вели огонь по колонне эсэсовцев, на полевом аэродроме. Отряд Козарова влился

потом во вторую партизанскую бригаду, где Николай Васильевич был начальником политотдела.

Побродив по лесам и деревьям, постояв у обелисков, повстречавшись со многими бывшими партизанами, мы незаметно приходим на Желчу, где была мельница.

— Ноги сами меня сюда тянут,— говорит Николай Васильевич.— Давай-ка отдохнем малость, костерок запалим на старой тепiline...

Зачерпнув котелком в омуте воды, он вскипятил чай. Сидим молча, пьем...

А солнце скрылось уже за зубчатой стеной леса. Стало прохладнее. Просвистели над головой утки и упали где-то за камышами. Было слышно, как за рекой, на ферме, смеялись доярки и позвякивали бидонами. Стреноженные кони допрыгали до омута и встали как вкопанные, к чему-то прислушиваясь. Я заговорил о том, что мельница — место особенное, Минковские — герои, и надо бы как-то увековечить все это, камень хотя бы поставить, надпись выбить...

— Обыкновенные они...— печально говорит Николай Васильевич.— Таких семей, как Минковские, тысячи. Их фамилии на обелисках по селам обозначены. Никто не забыт... И Минковские значатся в Гвоздно. А что касается мест особенных, так они на каждом километре есть... Весь наш район, считай, памятник. Народ в сердце своем хранит все это. Хранит и никогда не забудет... Никогда...

Он подбросил в костер хворосту, и пламя озарило его обветренное лицо с плотно сжатыми губами.

Юрий Тарасович Грибов
ТАИНА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. М. Борисов.

Сдано в набор 6/VIII 1971 г. А 00616. Подписано к печати 24/IX 1971 г.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,97 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 2023. Заказ № 1690.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

**ПРИБРАТАЙТЕ БИЛЕТЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ
ЛОТЕРЕИ!**

В нашей стране ежегодно издается громадное количество книг самого различного содержания. Только в Российской Федерации в прошлом году было выпущено 47 130 книг и брошюр общим тиражом 1 миллиард 5 миллионов 184 тысячи экземпляров.

● Довести это колоссальное книжное богатство до широких слоев городского и сельского населения возможно лишь при активном участии общественности и самих книголюбов. Хорошей формой массового вовлечения их в эту работу служит книжная лотерея, проводимая Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР с марта 1965 года.

● Книжная лотерея проводится исключительно в интересах советских читателей. Ее отличительная особенность состоит в том, что она постоянно действующая. В соответствии с утвержденным положением ежегодно проводится по 4 выпуска лотереи, общая сумма готовых составляет 20 миллионов рублей. Для этого изготавливается 80 миллионов лотерейных билетов достоинством в 25 копеек

● В каждом выпуске 6 миллионов 900 тысяч выигрышей на 4,5 миллиона рублей: выигрыши в 50 копеек, 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей. Общая сумма выигрышей составляет 90 процентов к стоимости всех реализованных билетов.

● Вторая, не менее важная особенность книжной лотереи состоит в том, что у нее нет тиражей. Выигрыши заранее заложены в печатанном билете. Каждый обладатель «счастливого билета» может отоварить его на месте, или в любом другом книжном магазине, или в киоске в течение всего срока действия данного лотерейного билета. Иными словами, читателю предоставлено право самому выбрать любую книгу или, скажем, эстамп, альбом для марок или набор художественных открыток.

ТОВАРИЩИ! ПРИБРАТАЙТЕ БИЛЕТЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!